

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (33)
2022**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2022

Редактор

Е. А. Лебедева

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

Ш. В. Абдуллаев

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

Владимирский государственный

университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 01.09.22

Заказ №

Выход в свет

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 10,70

Тираж 500 экз.

Издательство

Владимирского государственного

университета имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано в отделе

оперативной полиграфии Владимирского

государственного университета

имени Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича Столетовых

600014, г. Владимир,

ул. Белоконской, 3Б

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
(зам. главного редактора серии)
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор
ректор Московского педагогического
государственного университета
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
<i>А. С. Минаков</i>	доктор ист. наук профессор
профессор кафедры истории России
Московского педагогического
государственного университета
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения
Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории
<i>С. А. Мартянова</i>	кандидат филол. наук, доцент
доцент кафедры русской и зарубежной
филологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
<i>А. В. Ляпанов</i>	кандидат ист. наук, доцент
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллекции)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Д. А. Большакова, Е. М. Петровичева**
Практика земского страхования во второй половине XIX – начале XX века
(на материалах Владимирской и Рязанской губерний)..... 5
- А. В. Ляпанов**
Землевладение, землепользование и земледелие
у государственных крестьян после проведения реформы П. Д. Киселева
(на примере Владимирской губернии) 11
- В. В. Митрофанов**
«...Мы, археологи, ведь не сытая утроба...»: письма А. А. Спицына
С. Ф. Платонову (1904 – 1910 гг.) 24

ФИЛОЛОГИЯ

- А. Б. Антонова**
Стилистическое использование аллюзии в заголовках текстов
MLM-дискурса 46
- К. М. Богрова**
К вопросу о трансформации устойчивых сравнений в рассказах
С. К. Никитина 54
- Е. Ю. Муратова**
Художественный код картины Рембрандта «Возвращение блудного сына»
в поэтических текстах 59

ФИЛОСОФИЯ

- Е. И. Аринин, М. С. Лютаева**
Системный аутопойезис религии в пространстве больших данных (Big Data)
и «датаизма» 66
- В. В. Останин**
Прабхупада и английская поэзия XVII – XIX веков 74
- А. С. Тимощук**
Дхарма как мирская религия и эстетико-трансцендентное означающее 80
- Сведения об авторах**..... 90

CONTENTS

HISTORY

D. A. Bolshakova, E. M. Petrovicheva

Zemstvo Insurance Practice in the Second Half of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries (on the Materials of the Vladimir and Ryazan Gubernias) 5

A. V. Lyapanov

Land Ownership, Land Use and Agriculture of the State Peasants After the Reforms of P. D. Kiselyov (on the Example of the Vladimir Province) 11

V. V. Mitrofanov

«...We, Archeologists, are Knowledge-Hungry...»: A. A. Spitsyna's Letters to S. F. Platonov (1904 – 1910 yy.) 24

PHILOLOGY

A. B. Antonova

The Stylistic Usage of Allusion in MLM-Discourse Headlines 46

K. M. Bogrova

On the Question of the Transformation of Sustainable Comparisons in the Stories of S. K. Nikitin 54

E. Yu. Muratova

Art Painting Code of Rembrandt's Picture «Return of the Prodigal Son» in Poetic Texts..... 59

PHILOSOPHY

E. I. Arinin, M. S. Lyutaeva

Systemic Autopoyesis of Religion in the Sphere of Big Data and «Dataism»..... 66

V. V. Ostanin

Prabhupada and the 17th – 19th Century English Poetry 74

A. S. Timoshchuk

Dharma as Worldly Religion and Aesthetic-Transcendent Signification..... 80

Contributors 90

ПРАКТИКА ЗЕМСКОГО СТРАХОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ И РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В статье, написанной в русле исследования истории социально-экономической повседневности, исследуется практика земского страхования на материалах Владимирской и Рязанской губерний во второй половине XIX – начале XX века. Актуальность темы во многом предопределяется динамичным развитием современного страхового рынка, вниманием историков к условиям жизни и быта крестьян периода поздней империи, а также слабой изученностью земской страховой деятельности. Анализ большого массива архивных и опубликованных источников позволяет сделать вывод, что становление и развитие практики земского страхования во второй половине XIX – начале XX века, проводимой путем введения страхования движимого и недвижимого имущества от огня и животных от различных повальных болезней, повысили спрос населения на страховые услуги и значительно увеличили страховой капитал.

Ключевые слова: страхование, земство, повседневность, крестьянство, движимое имущество, пожары, центральные губернии.

В условиях динамичного развития страхования в современной России, связанного, прежде всего, с потребностью населения в защите своего имущества, актуальным становится обращение к вопросам становления и практики страхования движимого и недвижимого имущества.

В ходе реформ 60 – 70-х годов XIX века страховой рынок начал успешно развиваться и по отдельным признакам (охвату населения и доле застрахованного имущества) значительно превосходил сегодняшние страховые

показатели [16, с. 114; 21, с. 99]. Наряду с возникновением земского страхования открывается большое количество новых страховых обществ, что способствовало расширению спроса на страховые услуги и росту конкуренции [18, с. 5].

Взаимное страхование, имевшее большое экономическое значение, являлось одной из значимых сфер деятельности органов местного самоуправления. Благодаря земскому страхованию российскому населению ежегодно удавалось сберечь несколько десятков миллионов рублей. Во время

экономического кризиса роль таких сбережений еще больше увеличилась. Поэтому уже во второй половине XIX века земские собрания обращали особое внимание на вопросы расширения страхового поля путем введения страхования движимого имущества, скота и посевов от различных стихийных бедствий [7, л. 5].

В отечественной историографии земская страховая деятельность анализировалась в работах И. П. Борисова, Б. Б. Веселовского, Е. Д. Максимова, Г. П. Сазонова, М. А. Иорданского; однако вопросы, посвященные практике земского страхования во Владимирской и Рязанской губерниях, изучены недостаточно.

Цель настоящей статьи – опираясь на материалы региональных архивов, исследовать практику становления и развития земского страхования во Владимирской и Рязанской губерниях во второй половине XIX – начале XX века.

Исследование базировалось на применении специально-исторических и общенаучных методов. Широко использовался статистический метод анализа документов. Важную роль в методологии работы сыграла историческая антропология. Изучая крестьянскую обыденность в социокультурном контексте, авторы также обращались к истории повседневности, которая позволила исследовать реакцию крестьян на институт страхования в деревне, его эволюцию и практику.

Страхование в сельской местности стало активно развиваться в 1864

году после введения Положения о взаимном земском страховании от огня. Главная цель органов местного самоуправления состояла в том, чтобы сделать страхование доступным, дешевым, иметь возможность быстро прийти на помощь в нужную минуту и улучшить благосостояние населения [17, с. 19]. Владимирское и Рязанское земства практиковали страхование движимого и недвижимого имущества от огня, а также скота – от повальных эпизоотий.

Во Владимирской и Рязанской губерниях ключевым выступало страхование построек от огня. Его положительная динамика прослеживается на протяжении всего исследуемого периода. К 1903 году во Владимирской губернии было застраховано 256 220 дворов на сумму 53 886 768 рублей; в Рязанской губернии – 275 000 дворов на сумму 41 300 000 рублей [14, с. 3]. К 1914 году на страхе во Владимирской губернии состояло 277 027 дворов с обеспеченной страховой суммой 103 906 105 рублей [12, с. 5]. В Рязанской губернии в обязательном страховании состояло на риске земства 315 163 двора с общей окладной страховой суммой 13 761 255 рублей [13, с. 54].

В рамках взаимного земского страхования защита движимого имущества начинает широко распространяться в 80-х годах XIX века, только через 20 лет после введения органами местного самоуправления страхования строений [1, с. 5].

В Рязанской губернии проблема страхования движимого имущества

была поднята в 1883 году на заседаниях Данковского уездного собрания, где рассматривался вопрос о страховании от огня собранного с полей хлеба. В 1886 году проект об обязательном страховании хлеба был передан на обсуждение уездных земств, половина из которых посчитали обязательное страхование хлеба преждевременной и разорительной мерой. Таким образом, несогласие на обязательное страхование хлеба половины уездных земств Рязанской губернии побудило губернское собрание оставить этот вопрос открытым [22, с. 1071]. Тем не менее необходимость в защите сельского имущества от воздействия пожаров, а также острая конкуренция с частными страховыми обществами подтолкнули органы местного самоуправления активнее взяться за расширение земского страхового поля, в том числе развивая имущественное страхование.

Страхование движимости в Рязанской губернии было введено в 1896 году, и на первоначальном этапе оставалось сугубо сельскохозяйственным, так как страховались только хлеб, сено и солома от огня. В городах этот вид страхования не производился, так как страхование движимости было организовано исключительно для сельских хозяев. По правилам Рязанского земства сельскохозяйственные продукты (хлеб в снопах и сено) страховались в отдельных усадьбах и селениях, только если находились в строениях и скирдах, стоящих не ближе 30 сажень от строений, принятых на страх по обязательному

страхованию. Страховался также хлеб, предназначенный для обеспечения продовольствия крестьян, причем последний принимался на страх только в зерне в отдельно стоящих хлебозапасных магазинах [8, л. 262].

В 1908 году органы местного самоуправления в Рязанской губернии расширили страховой рынок следующим образом: они стали принимать на страх на добровольной основе домашнюю и хозяйственную движимость, находящуюся в городах и отдельных усадьбах. Сюда входили различные инструменты, орудия, машины и прочий сельскохозяйственный инвентарь; строительный материал и срубы построек [20, с. 35].

Прием на страх движимого имущества производился страховым агентом, который являлся ответственным лицом за все действия, связанные с процедурой страхования. Дострахование движимости в частных обществах и учреждениях не разрешалось. В случае нарушения данного правила страхователь лишался права на получение пожарного вознаграждения [Там же, с. 41].

Общий страховой риск Рязанского земства и общее число страхователей с 1896 по 1900 год представляются в следующем виде: общее число страхований – 1838 на сумму 2 760 202 рубля. В среднем число страхований за один год составляло 408 на сумму 552 040 рублей. В 1898 году число страхований в Рязанской губернии составляло 447 на сумму 617 001 рубль, в 1899 году – 397 на сумму 912 023 рубля, в

1900 году – 383 на сумму 883 040 рублей [1, с. 10].

Вопрос о страховании движимости во Владимирском земстве возник значительно позже, чем в Рязанском, а именно в 1894 году. Затем, одобренный губернским собранием, проект был представлен на утверждение в Министерство внутренних дел, которое признало возможным разрешить Владимирскому земству принимать на страх движимое имущество, однако ввиду ожидаемого опубликования нового закона о взаимном земском страховании рекомендовало повременить с его выходом, так как некоторые статьи Положения о страховании движимости стали бы противоречить новому закону [11, с. 4].

В итоге страхование движимости Владимирское губернское земство ввело только в 1908 году и в ограниченных условиях. Движимость на страх земства принимали лишь в городах, усадьбах, у разных общественных и административных организаций и земских служащих, вне зависимости от места их пребывания. Осторожность в деле развития страхования движимости Владимирское губернское земство объясняло тем, что вводить операции по страхованию движимости земству пришлось после революции 1905 – 1907 годов, когда горимость в России, особенно сельской и усадебной, сильно поднялась. Это заставило Владимирское земство изначально воздерживаться от страхования движимости в селениях и ограничиться пределами города.

В 1911 году на страхе Владимирского губернского земства по движимости состояло 608 рисков на сумму 1 387 568 рублей [3, с. 11]. В 1913 году состояло 824 страхования, а в 1914 году уже состояло на страхе 949 страхований. Сумма обеспечения в отчетном году равнялась 1 978 815 рублям [12, с. 30].

Расширение страхового поля производилось и за счет страхования животных от различных повальных эпизоотий. Ежегодно во Владимирской и Рязанской губерниях с различной степенью интенсивности животные заболели ящуром, бациллярной рожей, лошадиным сапом, мытом, чесоткой, бешенством и т. д. Однако наибольшие фатальные последствия имели и чума рогатого скота и сибирская язва [5, л. 18; 9, л. 5].

Во Владимирской губернии добровольное страхование скота практиковалось с 1887 года и при этом отличалось своими скромными размерами [6, л. 3]. За 25 лет (1887 – 1911) было застраховано всего лишь 151 907 животных. Такое положение объяснялось прежде всего предрассудками и консерватизмом местного населения. Для крестьянина каждое нововведение считалось трудным, да и в сознании сельского населения коновал или знахарь был привычнее и надежнее, чем ветеринар или страховой агент [15, с. 4].

В Рязанской губернии страхование рогатого скота вовсе не практиковалось. Рязанское земство считало, что в крестьянском быту достаточно других случаев, которые больше разоряют

землевладельцев и на которые стоит обратить преимущественное внимание, например гибель движимого и недвижимого имущества от огня [10, л. 50].

Подводя итоги, отметим, что страхование представляло одну из крупных и сложных отраслей земского хозяйства. Главным видом земского страхования во Владимирской и Рязанской губерниях оставалось страхование движимого и недвижимого имущества от огня. Анализ источников позволил сделать вывод, что на территории Владимирской губернии страхование движимости начало развиваться значительно позже, чем в Рязанской губернии. Такая осторожность обуславливалась пересмотром страхового законодательства, социальным напряжением и трагическими революционными событиями, которые привели к распространению пожаров в результате поджогов.

Во Владимирской губернии практиковалось и агрострахование в виде добровольного страхования скота, однако оно не было так широко развито, как страхование строений и движимости от огня ввиду убыточности страхования скота.

В целом же расширение страхового поля во второй половине XIX – начале XX века путем введения страхования движимого и недвижимого имущества от огня и животных от различных повальных болезней повысило спрос населения на страховые услуги и увеличило страховой капитал. Все это положительно повлияло на улучшение условий жизни сельского населения в названных центральных губерниях, повысило уровень развития земского страхования и значительно упрочило его позиции на страховом рынке.

Библиографические ссылки

1. Борисов И. П. Взаимное земское страхование движимых имуществ: Очерк деятельности 16 губернских земств по страхованию движимости. Псков : Типография Губернского земства, 1902. 95 с.
2. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб. : Издательство О. Н. Поповой, 1909. Т. 2. 696 с.
3. Взаимное земское страхование строений и движимости. Сравнительные пожарно-страховые данные за 1867 – 1911 годы. Владимир : Типо-литография губернской уездной земской управы, 1913. 28 с.
4. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 379. Оп. 1. Д. 163. Л. 58.
5. ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 312. Л. 100.
6. ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 725. Л. 77.
7. ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1149. Л. 22.
8. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 29. Оп. 271. Д. 1. Л. 486.

9. ГАРО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 67. Л. 114.
10. ГАРО. Ф. 936. Оп. 2. Д. 1. Л. 370.
11. Доклад Владимирской губернской земской управы XXXVIII очередному губернскому земскому собранию 1903 года о страховании движимости. Владимир : Типография губернской земской управы, 1903. 16 с.
12. Доклады Владимирской губернской земской управы 50-му очередному губернскому земскому собранию сессии 1915 года. О ходе взаимного земского страхования строений и движимости в 1914 году. Владимир : Типография губернской земской управы, 1916. 113 с.
13. Доклады по вопросам, касающимся взаимного земского страхования от огня, и относящиеся к ним журналы 50 очередного Рязанского губернского земского собрания. Рязань : Типография Н. В. Любомудрова, 1915. 657 с.
14. Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1904 г.: по страховому отделению. Владимир : Типография губернской земской управы, 1904. 154 с.
15. Краткие сведения о ходе и положении страхования скота во Владимирской губернии с 1887 по 1911 гг. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1912. 16 с.
16. Куликова М. Н. Страхование имущества от огня в России до 1917 г. // Экономические науки. 2011. № 1(74). С. 114 – 117.
17. Иорданский М. А. Что такое земская страховка. Владимир : Новое сотрудничество, 1913. 47 с.
18. Максимов Е. Д. Земское страхование и его роль в экономической жизни страны // Вестник русского сельского хозяйства. 1890. 24 с.
19. Отчет Владимирской губернской земской управы по взаимному страхованию от огня строений и движимости за 1912 год. Владимир : Типография губернской земской управы, 1913. 60 с.
20. Правила земского страхования в Рязанской губернии. Рязань : Типография Н. В. Любомудрова, 1913. 138 с.
21. Разуваев А. Земское страхование: воспоминания о будущем? // Современные страховые технологии. 2020. № 1. С. 98 – 100.
22. Сазонов Г. П. Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству (1865 – 1895). СПб. : Издание департамента земледелия, 1896. 1087 с.

**ZEMSTVO INSURANCE PRACTICE IN THE SECOND HALF
OF THE XIXth – THE BEGINNING OF THE XXth CENTURIES
(ON THE MATERIALS OF THE VLADIMIR AND RYAZAN GUBERNIAS)**

Based on the materials of the Vladimir and Ryazan gubernias in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries, zemstvo insurance practice is analyzed in the article, written in line with historical research of socio-economic everyday life. The relevance of the topic is largely determined by dynamic development of the modern insurance market, historians' attention to peasants' living conditions and everyday life in the late empire period as well as by insufficient knowledge of zemstvo insurance activities. The analysis of a wide range of archival and published sources allows us to make a conclusion that formation and development of zemstvo insurance practice in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries, carried out by insurance of movable and immovable property from fire and cattle against various epidemic diseases, drove up demands of the population for insurance services and significantly increased the insurance capital.

Keywords: insurance, zemstvo, everyday life, peasantry, movable property, fires, central gubernias.

УДК 338.2:63(470) (091)

А. В. Ляпанов

**ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ
У ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ
РЕФОРМЫ П. Д. КИСЕЛЕВА
(НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье рассматривается развитие ситуации, которая сложилась в сфере землепользования и землевладения у государственных крестьян после реформы П. Д. Киселева (1837 – 1841). Главной проблемой являлось крестьянское малоземелье. Правительство пыталось исправить ситуацию за счет расчистки земель от лесов, выделения свободных казенных земель, проведения межевания чересполосных и общих участков. Однако данные усилия нивелировались увеличением численности крестьян, которые в конечном итоге были вынуждены вырубать леса, превращать в пашню сенокосные угодья и выпасы. Ситуация усугублялась низким уровнем урожайности зерновых, который находился на уровне 2–3 сам. Компенсируя это, власти пытались распространить в государственной деревне

посадки картофеля. Однако крестьяне, испытывая нужду, все больше искали дополнительные источники дохода. Выявлена интересная закономерность: в урожайные годы наблюдается уменьшение числа государственных крестьян, занимающихся промысловой деятельностью, т. е. в рассматриваемый период сельское хозяйство оставалось основным видом крестьянской деятельности.

Ключевые слова: государственные крестьяне, малоземелье, землепользование, землевладение, реформа П. Д. Киселева.

Государственные крестьяне составляли значительную часть населения страны, которая в середине XIX столетия еще оставалась аграрной. Именно крестьяне своим трудом создавали базу для развития государства. В связи с этим исследование аграрно-крестьянского вопроса актуально на протяжении длительного времени. Наше внимание будет обращено на период после реформы П. Д. Киселева (1837 – 1841) до указов 1866 г. Именно тогда была предпринята одна из масштабных попыток реформирования крестьянского общества, в перспективе призванная подать пример помещикам.

В отечественной историографии проблеме государственных крестьян посвящено достаточно большое количество работ. Не обходят ее стороной и современные авторы: А. В. Третьяков изучает проблему на материалах Центрального Черноземья России [8], Р. Б. Шайхисламов – в масштабах Южного Урала [10; 11], М. В. Пыльцина исследует правительственную агрономическую деятельность в период реформы П. Д. Киселева [6]. Видно, что тема очень обширная, поэтому важно продолжение ее локального исследования

в рамках отдельных губерний с привлечением материалов из местных архивов, в нашем случае – Государственного архива Владимирской области.

Как известно, одной из задач, поставленных перед П. Д. Киселевым в ходе проведения реформы государственной деревни, было решение земельного вопроса. Один из самых известных исследователей государственной деревни – Н. М. Дружинин – так охарактеризовал данную проблему по состоянию на 1842 г.: в малоземельных земледельческих губерниях страны насчитывалось 45 тысяч душ государственных крестьян, имевших только одну усадьбу, 137 тысяч душ, не имевших даже усадебного участка, и 143 тысячи душ, не имевших никакой оседлости и обреченных на поиски внеземледельческих заработков [1, с. 9].

По замыслу П. Д. Киселева, для решения проблемы малоземелья крестьянских хозяйств планировалось измерить и оценить земли, определить норму земельного пая и наделить им государственную деревню, перераспределив при этом уголья между сельскими обществами, следуя принципу уравнительного землепользования. Вместе с этим предполагалось осуще-

ствить межевание земель и ликвидировать чересполосицу у государственных крестьян.

Как мы видим, именно крестьянская община стала коллективным владельцем надельной земли, часть которой она выделяла на каждого своего члена по достижении им рабочего возраста [7, с. 21]. Общее количество надельной земли делилось на число душ мужского пола, полученный показатель и являлся размером надела. В малоземельных губерниях, к которым относилась и Владимирская, государственные крестьяне по закону должны были получить по 8 десятин (1 десятина – 1,09 га) земли на ревизскую душу (в многоземельных – по 15 десятин).

Как же обстояло дело с реализацией этой идеи на практике? Да, действительно, данные официальной статистики свидетельствуют о том, что в государственной деревне Владимирской губернии в рассматриваемый период крестьянский надельный земельный фонд увеличился более чем на 21 %. Чаще всего прирост происходил за счет освобождения земель от лесов и выделения свободных казенных земель¹. Однако увеличение земельного фонда компенсировалось увеличением численности самих крестьян, которое за этот же период составило 23 % [2, с. 11]. Да и наделение государственных

крестьян землей происходило во Владимирской губернии довольно редко: в 1842 г. (население деревни Рукав и села Сновицкое с двумя деревнями получило по 5 десятин² на душу), в 1848 г. – 83 десятины 1067 сажень, в 1852 г. – 30 десятин 517 сажень, в 1857 и 1858 гг. – по 6 десятин 1005 сажень и 2 десятины 2336 сажень соответственно, в 1861 г. – 63 десятины 1700 сажень, в 1863 г. – 48 десятин 487 сажень. Конечно же, подобным наделением решить проблему крестьянского малоземелья было нельзя.

С учетом всех вышеприведенных данных средний размер крестьянского надела (без учета лесных наделов) во Владимирской губернии практически не менялся на протяжении рассматриваемого периода и составлял 3,4 – 3,8 десятины на одну душу мужского пола, а вместе с лесными наделами – 6,1 – 6,7 десятины на одну душу мужского пола. Как мы видим, данные показатели довольно далеки от провозглашенной правительством нормы надела в 8 десятин. Для сравнения: на одну душу мужского пола помещичьих крестьян в среднем приходилось 7 десятин 400 сажень, в то время как у государственных крестьян – 3 десятины 1075 сажень³. В табл. 1 приведены более подробные данные о размерах крестьянских душевых наделов.

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 364 (Владимирская палата государственных имуществ). Оп. 2. Д. 11, 29 а, 48 г, 67, 87, 110, 130, 150, 186, 212; Оп. 3. Д. 82, 90, 100,

107, 112, 116, 126, 130, 136, 181, 202, 229, 242.

² Десятина – 2400 квадратных сажень, или 1,09 га. Сажень – 2,13 м.

³ ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 87. Л. 75.

Распределение земли между крестьянами Владимирской губернии в 1859 г.

[1, с. 322; 9, с. 26]

Размер душевого пая, десятин	Категории крестьян, %	
	государственные	помещичьи
Менее 1	0,3	0,7
1 – 2	7,2	8,1
2 – 3	24,3	27,7
3 – 4	33,4	25,3
4 – 5	20,5	21,5
5 – 8	13,5	15,1
8 – 15	0,7	1,6
Более 15	0,1	–

Как видно из табл. 1, во Владимирской губернии параметры крестьянского надела существенно колебались как у государственных, так и помещичьих крестьян. При этом распределение земли у них было схожим. Большинство крестьян (85,7 %) обрабатывали наделы площадью менее 5 десятин. Количество государственных крестьян с наделом более 5 десятин составляло всего 14,3 % от общей массы.

Конечно же, не стоит забывать, что крестьяне еще по указу 12 декабря 1801 г. получили право покупать землю в личную собственность. К 1864 г. купленной государственными крестьянами

Владимирской губернии земли насчитывалось 26 578 десятин. Скорее всего, у них было больше возможностей воспользоваться этим правом, чем у удельных и помещичьих крестьян, которые к этому времени в собственности имели только 1960 и 11 923 десятины соответственно. Однако обостряющейся проблемы нехватки земли это не решало.

Для полноты картины необходимо учитывать и структуру казенной общинной земли. Проанализируем ситуацию с крестьянским землевладением и землепользованием более подробно по округам Владимирской губернии (табл. 2).

Количество земель, находящихся в пользовании у государственных крестьян
Владимирской губернии в 1864 г.¹

Округ	Число ревизских душ	Казенная общественная земля (десятин/сажень)							
		в единственном владении					в общем чересполосном владении	Всего	На одну душу
		усадебной	пашенной	выгонной	сенокосной	лесной			
Владимирский	34313	2299/ 1726 ½	79240/ 838 ¼	–	18886/ 649	55064/ 2219 ½	357/1212	181907/ 373	4/1724
Суздальский	23284	1884/ 1200	71599/ 321 ¾	1869	10570/ 1072 ½	17106/ 932	1452	107927/ 854	4/1524
Александровский	38903	2923/ 2345	114415/ 564 ½	7985/ 867	18418/ 1652	119168/ 1333	202/130	271303/ 2131	6/2411
Ковровский	19235	1594/ 636	47875/ 749 ¾	2446/ 889	29352/ 1181	68108/ 1987	391/918	159607/ 1946	8/714
Муромский	25196	1784/ 1033	50611/ 1150 ¼	1966/ 1147	10941/ 116	87670/ 127	2100/ 1361	165570/ 1708	6/1371
Всего	140931	10486/ 2140 ½	363741/ 1224½	14267/ 503	88168/ 2270 ½	347058/ 1798 ½	4503/ 1221	866316/ 2215	6/353

Данные табл. 2 подтверждают вышеприведенные сведения о неравномерности распределения земли между государственными крестьянами. Так, Ковровский округ существенно выделяется бóльшим количеством земель на одну ревизскую душу – 8 десятин 714 сажень в среднем. Это объясняется меньшей относительно других округов численностью государственных крестьян в нем. К примеру, в наиболее густонаселенных уездах Владимирского округа (Владимирском, Судогодском уездах) средний крестьянский надел лишь немного превышал 4 десятины. Схожая ситуация наблюдалась и в уездах Суздальского округа. А вот в самом

густонаселенном округе – Александровском (Александровский, Переяславский, Покровский уезды) – средний крестьянский надел превышал 6 десятин земли.

Интересным представляется анализ структуры казенной общественной земли. Здесь нас, прежде всего, интересует наиболее важная для крестьянского хозяйства пашенная земля (кроме нее в состав надела входили усадебные, выгонные, сенокосные и лесные земли). Она составляла 44,16 % от общего количества крестьянской земли (усадебная – 1,27 %, выгонная – 1,73 %, сенокосная – 10,7 %, лесная – 42,14 %) во Владимирской губернии.

¹ ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 229. Л. 94.

Больше всего пашенной земли на мужскую душу приходилось в Суздальском округе – 3,07 десятины, меньшее количество – в Муромском округе (2 десятины). Сокращение наделов, как уже говорилось, заставляло население вырубать леса, расчищать от мелких кустарников, превращать в пашню сенокосные угодья, но и эти меры не могли утолить земельного голода. К тому же, как видно из данных табл. 2, острой проблемой оставалась чересполосица. Перед созданным в 1837 г. Министерством государственных имуществ стояла задача произвести межевание чересполосных и общих участков.

Решение этой проблемы во Владимирской губернии было затруднено из-за большого количества селений, в которых государственные крестьяне проживали вместе с крестьянами других ведомств: помещичьими и удельными. Так, по состоянию на 1845 г. в губернии насчитывалось 1434 селения государственных крестьян. Из них в 175 они проживали совместно с помещичьими крестьянами, в четырех – с удельными крестьянами, в двух – с помещичьими и удельными, что составляло 13 % от общего числа селений. К 1865 г. их число увеличилось еще на 4 %¹.

Еще одним затруднением был недостаток подготовленных землемеров. Доходило до найма частных специалистов, что автоматически влекло дополнительные расходы².

¹ ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 110, 242.

² Там же. Д. 67. Л. 5.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. (ПСЗРИ II). Т. XXV. № 24327.

Таким образом, полюбовное межевание затягивалось. Министерство государственных имуществ, стремясь ускорить этот процесс, 12 июля 1850 г. издало Правила о полюбовном размежевании дач с государственными крестьянами. Между различными инстанциями были распределены компетенции. Теперь Палаты государственных имуществ на местах утверждали полюбовные акты, которые не требовали обменов или уступок земли, а также если уступки не превышали 5 % от всего количества казенной земли (не более 50 десятин по одной даче). Если же уступки доходили до 10 % (не более 200 десятин по одной даче), дело рассматривалось Министерством государственных имуществ. Еще бóльшие уступки или обмен земель и лесов в разных дачах могли допускаться только с высочайшего разрешения³.

Данные Правила не принесли моментальных результатов. Лишь с начала 1860-х гг. процесс размежевания начал набирать ход. К 1865 г. казенных дач, состоящих в чересполосном владении, осталось всего 22 (22 535 десятин 1435 сажений)⁴, а, например, в 1859 г. их насчитывалось 246 (181 286 десятин 1815 сажений)⁵.

Помимо этого, чтобы смягчить остроту земельного голода, законом от

⁴ ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 229. Л. 78 об.

⁵ Там же. Д. 136. Л. 5-5 об.

23 января 1850 г. были созданы льготные условия для аренды казенных оброчных участков (статей) малоземельными сельскими обществами¹. Однако широкого распространения реализация данного указа во Владимирской губернии не получила. Мирские оброчные статьи были распространены гораздо больше казенных (примерно в 8 – 9 раз). Да и дохода они приносили больше. Например, в 1865 г. насчитывалось 28 казенных оброчных статей на сумму 986 рублей, а мирских оброчных статей – 426 на сумму 10 351 рубль². Вообще, казенные оброчные статьи не оказывали существенного влияния на ситуацию с нехваткой земли во Владимирской губернии из-за малых площадей свободной казенной земли (максимум 400 десятин). К тому же большинство статей составляли мельницы и рыбные ловли.

Еще одной мерой по снижению земельного голода был перевод государственных крестьян в другие сословия (в основном городские). Тем самым правительство снижало плотность сельского населения. Однако незначительный масштаб переходов не позволяет говорить о существенном влиянии данного фактора. Еще одна мера – переселение государственных крестьян на малонаселенные окраины, в многоземельные губернии, но и она не получила во Владимирской губернии достаточного распространения [3].

Таким образом, во Владимирской губернии образовалась масса избыточного населения, которому не хватало наделной земли (по данным Н. М. Дружинина, оно составляло 41 % [1, с. 323]). Соответственно, названные крестьяне должны были искать средства существования в неземледельческом труде. Анализ развития промышленности, торговли и промыслов государственных крестьян на фоне их малоземелья во Владимирской губернии позволяет предположить, что местное сельское хозяйство в рассматриваемый период постепенно начинало утрачивать свое экономическое значение [4].

Что же могли получить государственные крестьяне с имеющейся у них земли? Проанализируем ситуацию в крестьянском сельском хозяйстве. К сожалению, в большей части Владимирской губернии почва не отличалась высоким плодородием. Земледельческий труд достаточно вознаграждался в Юрьевском, Переяславском, частично в Суздальском и Александровском уездах, где почва была преимущественно черноземно-суглинистая. Эти четыре уезда могли не только прокормиться своей рожью, но даже поставляли излишки на продажу. Остальные девять уездов губернии с песчаной и супесчаной почвой периодически испытывали недостаток в урожае³.

¹ ПСЗРИ II. Т. XXV. № 23861.

² ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 242.

³ ГАВО. Ф. 14 (Канцелярия Владимирского губернатора). Оп. 3. Д. 1547. Т. 1. Л. 322 об.

Рассмотрим более подробно ситуацию с посевом и сбором хлеба государственными крестьянами Владимирской губернии. Первое, на что следует обратить внимание, – это увеличение площади посевных земель. Так, площадь озимых полей в рассматриваемый период увеличилась приблизительно на 8,5 %, а яровых – на 5,5 %. Прирост посевных площадей происходил в основном, как уже говорилось, за счет расчистки леса и сенокосных земель. Однако из-за увеличения численности са-

мых государственных крестьян рост засеваемых площадей практически не сказывался на увеличении урожайности в расчете на душу государственных крестьян. Средний урожай хлеба колебался в разные годы от сам-2 до сам-3, и только в особо урожайные годы поднимался до сам-3,7 (1842 г.). К сожалению, чаще случались неурожаи, когда в результате засухи или, напротив, излишка дождей часть посевов погибала и урожайность опускалась до уровня сам-1,6-1,8 (1841, 1848, 1850, 1856 гг.)¹ (табл. 3).

Таблица 3

Посев и сбор хлеба государственными крестьянами по уездам Владимирской губернии (1857 г.)²

Округ	Озимый хлеб			Урожай в сам	Яровой хлеб			Урожай	
	Посев		Сбор четв.		Посев		Сбор четв.	в сам	на ревизскую душу, четв.
	дес.	четв.			дес.	четв.			
Владимирский	24 306	26 902	108 160	4	26 869	53 738	145 198	2,7	7,7
Суздальский	25 028	25 028	75 667	3	23 774	47 548	136 547	2,8	9,7
Ковровский	19 539	24 424	69 011	2,8	21 366	42 731	137 477	3,2	11
Муромский	19 884	24 855	70 100	2,8	19 030	28 028	102 605	3,6	7,2
Александровский	34 248	41 097	84 019	2	33 697	86 398	178 816	2	7,3
Всего в губернии	123 005	142 306	406 957	2,8	124 736	258 443	700 643	2,7	8,3

Как мы видим из табл. 3, наибольшая урожайность в расчете на одну мужскую душу зафиксирована в наименее населенных государственными крестьянами Ковровском, Шуйском и Вязниковском уездах Ковров-

ского округа с наибольшим количеством надельной земли на одну ревизскую душу. Также ожидаемо высокую урожайность показывали плодородные земли Суздальского и Юрьевского уездов Суздальского округа.

¹ ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 11, 29 а, 48 г, 67, 87, 110, 130, 150, 186, 212; Оп. 3. Д. 82, 90, 100, 107, 112, 116, 126, 130, 136, 181, 202, 229, 242.

² ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 100. Л. 242.

Таким образом, на душу государственных крестьян обоего пола приходилось в среднем от 2,9 до 4,4 четверти (четверть – 209,9072 литра) урожая хлеба. Однако следует понимать, что из этого количества необходимо было отложить часть на будущий посев, который в среднем составлял 1,3 – 1,4 четверти на человека. Следовательно, за вычетом посевных оставалось 1,5 – 3 четверти, что только-только соответствовало годовой норме потребления в 2 четверти ржи на душу населения. Для поддержки малоимущих крестьян правительство обязывало местные власти организовывать общественные магазины.

По указу 16 марта 1842 г. количество запасного хлеба должно было составлять по 1,5 четверти на душу, т. е. во Владимирской губернии на тот мо-

мент – 188 946 четвертей. К концу указанного года в селениях государственных крестьян было создано 32 запасных хлебных магазина. Правда, в них фиксировался недостаток в 81 062 четверти хлеба¹. Со временем количество запасных хлебных магазинов увеличилось (в 1863 г. их насчитывалось уже 77), однако была повышена и норма хлебного запаса – до 2-х четвертей на душу (282 626 четвертей всего). И хотя все души мужского пола исполняли такую натуральную повинность, как душевая ссыпка, была выполнена норма только в 257 915 четвертей².

Можно сравнить данные о посеве и сборе хлеба государственными крестьянами с показателями по другим категориям земледельческого населения губернии (табл. 4).

Таблица 4

Посев и сбор хлеба на государственных, удельных и помещичьих землях
во Владимирской губернии³ в 1857 г.

Земли	Озимый хлеб		Урожай в сам	Яровой хлеб		Урожай в сам
	Посев, четв.	Сбор, четв.		Посев, четв.	Сбор, четв.	
Государственные	132 779	445 823	3,3	241 557	836 456	3,5
Удельные	28 580	79 993	2,8	36 409	112 884	3,1
Помещичьи	392 240	1 179 063	3	609 512	2 024 941	3,3

Как ни странно, но государственная деревня Владимирской губернии значительно уступала по показателям посева и сбора хлеба помещичьим крестьянам. Это объясняется бóльшим количеством

последних. При этом она столь же значительно превосходила удельную деревню. Отметим, что земли государственных крестьян обгоняли земли других ведомств по уровню плодородия.

¹ ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 48. Л. 19 об. – 20.

² ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 202. Л. 46 об. – 47.

³ ГАВО. Ф. 431 (Владимирский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 92. Л. 22.

Сопоставляя динамику земледелия государственных крестьян с динамикой их промышленной и промысловой активности, можно выявить интересную закономерность. В урожайные годы наблюдается уменьшение числа государственных крестьян, занимающихся промысловой деятельностью (особенно отхожими промыслами). Это в определенной степени опровергает сделанное выше предположение о том, что сельское хозяйство в рассматриваемый период постепенно начинало утрачивать свое экономическое значение. Крестьяне в основной своей массе еще не готовы были порвать с земледелием, лишь дополняя его промысловой деятельностью.

Помимо выращивания зерновых культур, местные власти пытались внедрить в государственной деревне

посадки картофеля. Этому способствовало и наличие доходного городского сбыта. В результате картофель у государственных крестьян Владимирской губернии распространился довольно широко не только на усадебных, но и на полевых землях. Самый бурный рост наблюдался в начале 1840-х гг. (явно прослеживается правительственная инициатива). Но и затем площади посадки картофеля продолжают постепенно увеличиваться не только на огородах (1845 г. – 1636 десятин, 1858 г. – 4190 десятин), но и на полях (1845 г. – 522 десятины, 1858 г. – 773 десятины). Причем со временем средняя урожайность данной культуры существенно возрастает. В разных местностях урожайность картофеля колебалась от сам-2 до сам-10 (табл. 5).

Таблица 5

Посадка картофеля государственными крестьянами по округам Владимирской губернии¹ в 1852 г.

Округ	Посев			Сбор, четв.	Урожай	
	на огородах	на полях	четв.		сам	на ревизскую душу, четв.
	дес.	дес.				
Владимирский	439	8	4469	16 813	3,7	0,5
Суздальский	668	170	8408	23 848	2,8	1
Ковровский	213	125	3391	15 765	4,6	0,8
Муромский	176	38	2142	8641	4	0,3
Александровский	464	169	6518	24 160	3,7	0,6
Всего в губернии	1960	510	24 930	89 228	3,5	0,6

Как видно из табл. 5, высадка картофеля была наиболее распространена в уездах Суздальского округа.

Даже при самой низкой урожайности по губернии (так как под картофель отводились самые некачественные земли)

¹ ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 100. Л. 109

там выращивали больше всего урожая на ревизскую душу. Лишь немного по этому показателю отставал Александровский округ в силу многочисленности государственных крестьян, проживающих в нем.

Занимались государственные крестьяне также садоводством и огородничеством. В отдельных селениях были разведены довольно значительные плодовые сады, которые приносили домохозяевам хорошую прибыль – от 40 до 150 рублей серебром в год¹. Особенно славились владимирские вишневые сады. Довольно-таки известны были муромские огуречники, суздальские хмельники.

Помимо малоземелья, Владимирская губерния характеризовалась и довольно небольшим количеством скота. Со второй половины 1840-х гг. наблюдается незначительная тенденция к его увеличению. Пик роста численности крупного скота (лошадей и коров) приходится на 1855 г. (191 625 голов), мелкого скота – на 1857 г. (167 218 голов), затем поголовье стабильно уменьшается. Больше всего скота было во Владимирском уезде, меньше всего – в Шуйском. Стоит отметить тот факт, что, с одной стороны, общий недостаток скота в губернии усиливал отрицательные последствия малоземелья, так как многие земли требовали усиленного навозного удобрения. С другой стороны, недостаток лугов, образовавшийся из-за увеличения

пашни, не позволял крестьянам держать достаточное количество скота. Еще больше усугублял ситуацию частый падеж скота. Примеров множество: в 1840 г. пало 735 голов скота (550 из них в Муромском округе), в 1847 г. – 1930 голов (в основном рогатый скот), в 1855 г. – 1373 коровы (Муромский и Суздальский округа), в 1856 г. – 1780 голов, в 1862 г. только в Юрьевском уезде пало 1526 голов скота, в 1864 г. произошел самый большой падеж скота за рассматриваемый период – 3213 голов (более всего эпидемия затронула Ковровский уезд)². Явно сказывалась нехватка ветеринаров.

Местные власти владели информацией об экономическом положении государственных крестьян. Более того, они прилагали определенные усилия, чтобы улучшить его, например, направляя крестьянских мальчиков учиться на Учебно-практический хутор Императорского московского общества сельского хозяйства, в Санкт-Петербургский технологический институт и т. д. Для содействия улучшению сельского хозяйства было привлечено и сельское духовенство. В 1849 г. изъявили желание заниматься ведением улучшенного хозяйства 125 священников. Периодически крестьянским домохозяевам раздавали семена, полученные из Департамента сельского хозяйства. Помимо всего прочего, государственным крестьянам было разрешено ставить ульи

¹ ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 202. Л. 46 об. – 47.

² ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 11. Л. 16; Д. 155. Л. 94; Оп. 3. Д. 112. Л. 100; Д. 116. Л. 111; Д. 118. Л. 70; Д. 229. Л. 52.

без всякой платы в крестьянских лесах и заводить небольшие пасеки¹.

Несомненно, названные меры способствовали развитию сельского хозяйства государственных крестьян, но этого явно было недостаточно. К сожалению, правительству так и не удалось решить проблему малоземелья. Негативное влияние на экономическое состояние государственных крестьян оказывали постоянно увеличивающиеся

повинности, когда правительство, испытывая хроническую нехватку денежных средств, в том числе и на преобразования в государственной деревне, перекладывало бремя на плечи самих крестьян [5]. Если в начале рассматриваемого периода крестьяне еще могли существовать, занимаясь только земледелием, то ко времени проведения реформы 1866 г. они были вынуждены искать себе дополнительные заработки.

Библиографические ссылки

1. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М ; Л., 1952. Т. 2. 614 с.

2. Ляпанов А. В. Демографические процессы в государственной деревне Владимирской и других губерний Центрального промышленного района (1826 – 1866 гг.) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 2 (30). С. 7 – 17.

3. Ляпанов А. В. К проблеме социальной мобильности в Российской империи на примере перехода государственных крестьян в другие сословия (1840 – 1865 гг.) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 3 (31). С. 14 – 23.

4. Ляпанов А. В. Изменение экономического положения государственных крестьян Владимирской губернии после реформы П. Д. Киселева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13, № 2. С. 48 – 52.

5. Ляпанов А. В. Трансформация налогообложения государственных крестьян после реформы П. Д. Киселева // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21, № 4. С. 632 – 652.

6. Пыльцина М. В., Русинова Е. В. Правительственная агрономическая деятельность в период реформы П. Д. Киселева // Теория и практика инновационных технологий в АПК : материалы науч. и науч.-метод. конф. проф.-преподават. состава, науч. сотр. и аспирантов. Воронеж : Воронеж. гос. аграр. ун-т, 2008. С. 56 – 62.

¹ ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 90. Л. 149 об.

7. Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. 217 с.
8. Третьяков А. В. Тамбовская сельскохозяйственная ферма как образовательно-просветительский проект реформы министра государственных имуществ П. Д. Киселева // Социально-политические, правовые, духовно-нравственные проблемы российского села: история и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. Воронеж : Воронеж. гос. аграр. ун-т им. Имп. Петра I, 2019. С. 80 – 86.
9. Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974. 307 с.
10. Шайхисламов Р. Б. Реализация реформы П. Д. Киселева в Юго-Восточном крае Российской империи // Мир Востока и мир Запада: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. и материалов междунар. молодеж. науч.-практ. конф. / ред.: Г. Б. Ахмедина, Л. П. Черникова, Т. А. Леонова. 2013. С. 43 – 46.
11. Шайхисламов Р. Б., Мазитов Ф. Ф. Реализация реформы П. Д. Киселева на Южном Урале // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18, № 2. С. 563 – 565.

A. V. Lyapanov

**LAND OWNERSHIP, LAND USE AND AGRICULTURE OF THE STATE
PEASANTS AFTER THE REFORMS OF P. D. KISELYOV
(ON THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR PROVINCE)**

The article examines the development of the situation that developed in the sphere of land use and land ownership among state peasants after the reform of P. D. Kiselyov in 1837 – 1841. The main problem was the peasant shortage. The government tried to rectify the situation by clearing the land from forests, allocating free state-owned land, and surveying strip and common areas. However these efforts were offset by an increase in the number of peasants, who eventually had to cut down forests, turn hayfields and pastures into arable land. The situation was aggravated by the low level of grain yield, which was at the level of 2-3%. Compensating for this, the authorities tried to plant potatoes in the state village. However the peasants, feeling the need, were increasingly looking for additional sources of income. An interesting trend is revealed, in the harvest years there is a decrease in the number of state peasants engaged in commercial activities, i. e. during the period under review, agriculture remained the main type of peasant activity.

Keywords: state peasants, small land, land use, land ownership, P. D. Kiselyov's reform.

**«...МЫ, АРХЕОЛОГИ, ВЕДЬ НЕ СЫТАЯ УТРОБА...»: ПИСЬМА
А. А. СПИЦЫНА С. Ф. ПЛАТОНОВУ (1904 – 1910 гг.)**

Продолжается публикация писем А. А. Спицына, адресованных С. Ф. Платонову – многолетнему близкому другу и соратнику по профессиональной деятельности.

Небольшой по объему эпистолярный пласт за 1904 – 1910 гг. позволяет в одном случае конкретизировать, в другом – уточнить, в третьем – взглянуть по-новому на многогранную деятельность столичных ученых, занявших к началу XX в. высокое место в научном сообществе.

Основные сферы их взаимодействия прослеживаются прежде всего в археологических обществах, участии в значимых научных форумах, проходивших за пределами столичных городов. Именно эти факты позволяют причислить и А. А. Спицына, и С. Ф. Платонова к выдающимся просветителям российской провинции. Письма же являются ярким тому подтверждением.

Ключевые слова: А. А. Спицын, С. Ф. Платонов, эпистолярный пласт, археологическая наука, археологические раскопки, провинциальные научные общества.

К началу XX в. в научной и административной карьере двух друзей – А. А. Спицына и С. Ф. Платонова – продолжался взлет, в основе которого лежал ежедневный труд.

Положение А. А. Спицына в археологической науке быстро укреплялось: судьбоносным в научной карьере стал 1891 г., когда его пригласили в Археологическую комиссию (АК), а с 1 февраля 1892 г. он стал её младшим членом. Он ведет активные археологические изыскания, устанавливает тесные связи со многими провинциальными археологами, готовит свои обзоры по 26 губерниям. В поле его зрения попадают археологические культуры: трипольская, фатьяновская,

ананьинская, пьяноборская, зарубинецкая, черняховская. А. А. Спицын один из первых среди археологов разрабатывает свои пособия по методике раскопок [16]. Ученый активно изучает Поволжье [19], выделяет особый тип памятников в бронзовом веке – хвалынский. С 1896 г. руководит археологическим изучением Центрального Черноземья.

В 1909 г., имея уникальный опыт археологических раскопок, А. А. Спицын стал преподавать в Петербургском университете – он читал курс по русской археологии, кстати, первым в России. Звание приват-доцента ученый получил без предварительного испытания (без сдачи магистерских

экзаменов и пробных лекций), что было «исключением из общепринятых правил» [2, с. 10]. Это событие было важно как для него самого, студенческой аудитории, так и для развития и популяризации российской археологической науки.

Еще бóльшего успеха добился С. Ф. Платонов: в 1899 г. он стал доктором русской истории; в этом же году вышел его фундаментальный труд по эпохе Смуты; опубликован в первом издании литографический курс «Лекции». Кроме научных достижений успешно продолжается его административная карьера: с 1 декабря 1899 г. он ординарный профессор Петербургского университета, в 1900 г. – декан историко-филологического факультета, в 1903 г. его приглашают возглавить Женский педагогический институт. Все эти и другие факты свидетельствовали о его серьезном авторитете в научной корпорации.

Помещенные в приложении к статье письма А. А. Спицына (за 1904 – 1910 гг.), адресованные С. Ф. Платонову, органически продолжают предыдущие публикации [8; 9; 10] и позволяют уточнить, конкретизировать, порой по-новому посмотреть на их личные и семейные взаимоотношения, профессиональные коммуникации в ходе совместной деятельности. В архивной папке насчитывается 25 писем, в том числе 10 на почтовых карточках, и одна телеграмма; объем писем небольшой (31 л., некоторые исписаны с обеих сторон). Наибольший интерес представ-

ляет письмо от 10 июля 1909 г. со схематическими рекомендациями для раскопок.

Общими в научно-организаторско-просветительской деятельности двух ученых в рассматриваемый период были следующие направления (хотя были и другие):

1. Членство в археологических обществах. 13 апреля 1890 г. С. Ф. Платонов стал действительным членом Русского археологического общества (РАО), а А. А. Спицын 23 мая 1891 г. стал его членом-сотрудником. В 1907 г. по рекомендации С. Ф. Платонова А. А. Спицын избирается уже действительным членом.

Продолжалась активная и плодотворная организаторская и издательская деятельность в рамках Отделения русской и славянской археологии (Русское отделение) РАО. Впервые С. Ф. Платонов был избран его управляющим 6 апреля 1894 г. и возглавлял его с одним перерывом (28 ноября 1908 – 5 апреля 1912) более 23 лет. Примечательно, что он стал преемником А. А. Бобринского, который сосредоточился на руководстве Археологической комиссией (ИАК); именно в это время А. А. Спицын получил от него приглашение. Немалую часть работы по составлению «Записок отделения русской и славянской археологии» (ЗОРСА – издание Отделения) взял на себя А. А. Спицын, а С. Ф. Платонов сосредоточился на финансовом обеспечении раскопок в рамках Отделения, издания и общей редакции сборника. И это не-

случайно, так как в период «эпохи Бобринского» (так называлось время его председательствования в ИАК (1886 – 1917/1918)) приоритетным направлением стала именно славяно-русская археология, развитие которой связывают, прежде всего, с «ростом общественного интереса к национальным древностям» и с «приходом» в комиссию А. А. Спицына [5, с. 207]. А ему было удобно оперативно публиковать свои многочисленные статьи, отчеты об археологических изысканиях именно в «Записках». Когда С. Ф. Платонов стал управляющим, они стали выходить на регулярной основе, А. А. Спицын наполнял издание новыми интересными материалами по археологии. Кстати, оценки и роль друзей в издании «Записок» нашли отражение в ряде публикаций [24].

2. Дебютировав на VII Археологическом съезде в Ярославле в 1887 г., и С. Ф. Платонов, и А. А. Спицын принимали участие и в последующих: в Москве (1890), Вильно (1893), Чернигове (1908), Новгороде (1911) и др. Рассмотрение этого вопроса требует отдельного исследования.

3. Научная, организаторская и просветительская деятельность С. Ф. Платонова и А. А. Спицына в провинциальных научно-исторических обществах вышла на новый уровень, была насыщена плодотворным участием во многих научных мероприятиях.

Магистерская диссертация, опубликованная в «Журнале министерства народного просвещения», вскоре вы-

шла и отдельной книгой [14], С. Ф. Платонов стал широко известен за пределами столицы и его начали избирать в члены недавно созданных губернских ученых архивных комиссий (ГУАК): первой была Нижегородская, затем Тверская, Костромская, Таврическая, Владимирская, Вятская и другие – всего 15 комиссий. Он становится членом Псковского археологического общества, Новгородского общества любителей древности (НОЛД) и других провинциальных обществ.

А. А. Спицына также избирают в состав Вятской, Воронежской ГУАК. Он вел активную переписку с членами Рязанской комиссии [25]. Состоял в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, был почетным членом НОЛД и других историко-научных обществ провинции.

Эти избрания не были формальными, как это случалось с другими деятелями науки, а закреплялись постоянной совместной работой. А. А. Спицын в первую очередь оказывал помощь археологическими разведками в конкретных губерниях, рекомендациями по музейным вопросам. С. Ф. Платонов сосредоточился больше на просветительских и организационных делах. Новые члены делали свою работу с интересом, неся знания в массы провинциальных любителей истории и древности и заинтересованной общественности, учащимся разных учебных заведений.

4. Неценима роль обоих столичных ученых в организации областных археологических съездов. Это новая

форма научных коммуникаций, возникшая в начале XX в. Всего было проведено четыре подобных съезда: в Ярославле (10 – 14 августа 1901 г.), Твери (10 – 20 августа 1903 г.), во Владимире (20 – 26 июня 1906 г.), в Костроме (21 – 29 июня 1909 г.). С. Ф. Платонов был среди самых активных организаторов всех съездов, на двух присутствовал лично (в Ярославле и во Владимире). А. А. Спицын также присутствовал на двух других (в Твери и Костроме), но принимал участие в подготовительных мероприятиях всех съездов.

Особенно значительна роль друзей в организации Тверского съезда. Археологическая часть его программы была блестяще подготовлена А. А. Спицыным [18], приехавшим в Тверь познакомиться и с местным музеем. Интересные сведения о своем друге С. Ф. Платонов сообщает в письме тверскому археологу В. А. Плетневу от 19 мая 1902 г.: «Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич! Пишу Вам на деликатную тему и конфиденциально. На днях приедет к Вам для организации раскопок А. А. Спицын. Вам надо знать, что это человек совершенно чуждый житейских условностей. Вопреки моим советам он, вероятно, будет уклоняться от визитов и трапез и даже не привезет с собою сюртука. При идеальной мягкости и задушевности он не лишен некоторой внешней условности. Считаю своим долгом предупредить Вас (которого А. А. Спицын очень уважает) в этих обстоятельствах для того,

чтобы, во-первых, тверичи не обижались, если Александр Андреевич будет держаться букою; во-вторых, чтобы они не льнули к нему и не “потчевали” его и, в-третьих, чтобы они верили, что он не имеет никаких предубеждений и недовольства ни против ни одного человека в Твери. Иначе я боюсь – может выйти недоразумение, вредное для общего дела. Со своей стороны, даю Вам слово, что это мое письмо не содержит задних мыслей и что его следует понимать по его прямому смыслу. Было бы горько, если бы Тверь не ужилась с человеком, который готов много и бескорыстно поработать для Тверского съезда» [6, с. 181]. Масштабы раскопок были внушительными: в 1902 г. исследовано 13 курганов, во время проведения самого съезда в 1903 г. были произведены показательные раскопки еще 7 курганов.

А С. Ф. Платонов, вошедший в организационный комитет, принимал участие во всех подготовительных собраниях: 30 марта в Петербурге и 20 апреля в Твери [13, с. 39]. Его стараниями была издана археологическая карта в столичном картографическом заведении Ильина [6].

Кроме того, к съезду ОРСА был подготовлен специальный выпуск «Записок» [3].

Таким образом, столичные члены Тверской ГУАК явились «локомотивами» в успешной подготовке форума.

Владимирский съезд, намеченный на 1905 г., был перенесён в силу объективных причин (Первая русская

революция, эпидемия) и проведен в следующем году.

Из «Трудов» съезда видно, что и С. Ф. Платонов, и А. А. Спицын «изъявили согласие принять участие своим личным присутствием» [26, с. 3]. Они присутствовали на совещании по организации съезда, проходившем в Петербурге. Здесь же А. А. Спицын сделал предложения по раскопкам, указав их места (в устье Оки Каменского и Ефановского могильников, городища на Клязьме), в том числе во время съезда (курганы Покровского и Владимирского уездов). Он же был среди тех, кто высказал пожелания по организации выставок.

С. Ф. Платонов председательствовал на вечерних заседаниях 20 и 21 июня на секции II отдела «Областная история, древности исторические и географические», на втором заседании 24 июня [Там же, с. 24 – 26]. Заметим, что С. Ф. Платонов на съезд прибыл со своими дочерьми Верой, Надеждой и Ниной [Там же, с. 105].

Русское отделение предоставило в распоряжение съезда для его делегатов свои «Записки» (т. VII, вып. 1).

В выступлении на IV историко-археологическом съезде в г. Костроме А. А. Спицын утверждал, что в основе древностей костромской курганной культуры лежат вещи владимирских курганов, и, возможно, они принадлежали сильно русифицированным финнам.

Интересные сведения приводит в письме от 8 июля 1909 г. на имя С. Ф. Платонова В. В. Майков (участник съезда), делясь своими впечатлениями. Упомянул он и А. А. Спицына, который «...читал в одно заседание три доклада, это немножко много» [11, д. 3456, л. 31 об.-32]¹.

Следовательно, горячо поддерживая инициативу провинциальных краеведов и археологов, и С. Ф. Платонов, и А. А. Спицын принимали активное участие в подготовке всех четырех областных Археологических съездов, способствуя их успеху.

5. В начале XX в. именитые друзья помещали отдельные свои исследования в малоизвестных местных изданиях [17]. Это обстоятельство, с одной стороны, указывало на понимание известными учеными значимости деятельности провинциальных любителей древности по изучению микроистории, а с другой – способствовало росту авторитета этих сборников. Показательно в этом отношении утверждение А. А. Спицына: «На Западе первенствующую роль в археологии завоевали местные археологи; то же неизбежно будет и у нас, когда провинциальные деятели дерзнут на специальные научные работы» [22]. И надо заметить, дерзнули многие.

Публикуемые письма в полной мере позволяют уточнить и черты характера А. А. Спицына. Это, прежде всего, сострадание, желание помочь

¹ Один доклад – «О древних культурах севера России» [27, с. XLIV], второй – «Финские древности верхнего

Поволжья» [Там же, с. XLVI], третий – «Норманские и славянские древности верховьев Волги» [Там же, с. XLIX].

оказавшимся в трудной ситуации людям, даже не близким, например дворнику. Встречается немало важных семейных новостей о болезнях детей и жены, летнем времяпрепровождении. Вызывает непреходящий интерес организация научной работы во время отпускного времени и раскопок. О теплых отношениях друзей свидетельствуют и факты взаимовыручки, стиль общения, дружба семьями.

В переписке встречаются и малоизвестные сведения о механизме назначений в АК, не всегда открытых и прозрачных, поэтому предназначенных не для широкого круга. Указываются предложения, которые А. А. Спицын делал С. Ф. Платонову для приобретения в ЖПИ (клад времен Ивана Грозного, монета периода дворцовых переворотов). Уточняется время пребывания А. А. Спицына в Воронежских краях в 1906 г. Особый интерес к валуйской раскопке, произведенной С. Ф. Платоновым, проявляют и современные исследователи в последнее время [1; 4]. Сам А. А. Спицын опубликовал небольшую заметку [21], а написанная им статья пролежала более сотни лет в архиве С. Ф. Платонова [23, с. 120]. Рекомендации А. А. Спицына облегчили С. Ф. Платонову вскрытие кургана, а также описание профессиональным образом находки и составление чертежей.

Информация писем позволяет очертить круг общения, взаимодействия, совместной работы наших корреспондентов. Упомянуты как широко известные имена (И. А. Шляпкин,

С. М. Середонин, граф А. А. Бобринский, Н. К. Рерих, Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелев, барон В. Р. Розен, Н. Е. Макаренко, П. П. Покрышкин), так и местные археологи-самородки, например С. А. Гатцук, С. С. Гамченко.

По этому вопросу сохранились черновые записи: «Раскопки в 1907 г. были производимы в двух местностях: 1) продолжены были исследования сестрорецких курганов, 2) проведены исследования древнейших городищ по среднему течению Десны.

С. С. Гамченко, исполнявший первое поручение в Сестрорецке, расширил район своих наблюдений и открыл 7 новых групп курганов, в которых, между прочим, до 20 аршин высотой и насыпи двухъярусные. Рассмотрено было более 40 курганов (все типа угольных), в них насчитано до 10 разновидностей. Найдены курганы с неполными шатрами, обнаружены небольшие квадратной формы курганы с остатками сожжения. Во всех без исключения курганах найдены сожженные человеческие кости. Никаких вещей в курганах не найдено, и потому их время по-прежнему остается загадочным.

Г[осподином] Гамченко произведены были также раскопки на культовом поселении, найденном им в урочище Бочаш. Найденные при этом черепки и вещи не м. б. отнесены к числу особенно старых. Отношение поселения к курганам не могло быть определено.

С. А. Гатцуку дано было поручение произвести осмотр и отчасти исследовать древнечерниговские городища,

расположенные по среднему течению Десны, для определения их отношения с городищами Дьякова и Роменского типов. Работа эта предпринята Отделением в интересах Черниговского Археологического съезда и общей целью имела собрать материал для решения вопроса о культуре, существовавшей в Десне пред приходом славянского племени.

Исследователем в Мглинском, Новгороде-Северском и Кролевецком уездах все осмотрено и отчасти тронуту раскопками было 34 городища. По сделанным находкам (преимущественно черепки) можно заключить: 1) что древности городищ Роменского типа простираются на север приблизительно до Новгорода-Северского, не заходя далее в район черниговских лесов, 2) что городища, расположенные по течению Десны приблизительно от Новгорода-Северского к северу, принадлежат к типу верхнеокских, известных по раскопкам Н. И. Булычева, В. А. Городцова и иных лиц, 3) что на некоторых городищах, особенно Новгород-Северских, замечаются следы 3-й культуры, вероятно той, которой принадлежат курганы, вскрытые вблизи Воронежа Глуховского уезда И. С. Абрамовым. Никаких важных для определения хронологий осмотренных городищ не было найдено: так можно надеяться получить путем более основательных раскопок, которые не входят в инструкцию, составленную для поездки С. А. Гатцука. Есть некоторые основания предполагать, что третья из обнаруженных

культур новее роменской, но которая старше из двух остальных (роменской и деснинско-окской). Для суждения об этом не добыто никаких данных. В целом ряды кроме их городищ найдены черепки той и другой культур вместе.

На трех мглинских городищах, на пяти кролевецких обнаружены кроме древних еще редкие (или русские) черепки как княжеской поры, так и более поздние. Среди осмотренных городищ не оказалось специально русских, так само собой ...» (текст не окончен) (А. А. Спицын. 1898 – 1908 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6834. Л. 3 – 4).

Среди тем для докладов в Русском отделении названы результаты раскопок кургана «Смела», курганов во Владимирской и других губерниях.

Таким образом, публикуемые 26 корреспонденций, являющихся замечательным источником, отражающим не только личные и профессиональные отношения А. А. Спицына и С. Ф. Платонова, но и развитие археологии в начале XX в., позволяют определить основные регионы и места раскопок, соотнести их с конкретными археологами и результатами, которые обнародовались на заседаниях Русского отделения или помещались на страницах ЗОРСА.

Тексты писем приводятся в соответствии с современными правилами и нормами орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей. Нумерация двойная: первая цифра указывает на номер в папке, вторая – на общее количество.

Письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1904 – 1910)

№ 1 (61)

28.1.1904

Дорогой Сергей Федорович!

Я бы думал, что корректуру статьи о кресте необходимо дать И. А. Шляпкину¹.

В корректуре протоколов я не могу проверить никаких цифр, имен и отчеств при фамилиях, а некоторые места (отмеченные вопросами) не понимаю. Протоколы С. М.² никуда не годятся. Ваш А. С.³

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 1

№ 2 (62)

Дорогой Сергей Федорович!

Не откажите в программу ближайшего заседания ввести ещё сюжет: Обсуждение проекта раскопок летом 1904 г.⁴ Пожалуйста, напишите на прилагаемой открытке имя и отчество владелицы Сергиевского на Волге; не могу их вспомнить.

Целую Вас и желаю здоровья. Ваш А. Спицын. СПб. 1904. П/4.

Карандашные пометы Платонова: «В.О. 15. 72. 19. Елиз[авета] Павл[овна] Истомина».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 2

№ 3 (63)

10.4.1904

Дорогой Сергей Федорович!

Государь⁵ сегодня у нас был. Гр[аф] Бобринский⁶ просит назначить посещение Обществом⁷ Выставки в ближайшие дни, особенно в среду. Тогда же может

¹ Шляпкин И. А. Каменный крест 1224 года князя Святослава Всеволодовича в городе Юрьеве Польском // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1904. Т. V. Вып. 2. С. 43 – 49.

² Речь идет о Середонине Сергее Михайловиче. Фамилии, упоминавшиеся в предыдущих письмах, в публикации не комментируются.

³ Письмо написано на почтовой карточке, дата определена по штемпелю.

⁴ Здесь и далее подчеркивания сделаны автором письма.

⁵ Император Николай II (1868 – 1918), царствовал с 20 октября 1894 г. по 2 марта 1917 г. Об этом посещении см.: Высочайшее посещение Императорской Археологической Комиссии // Известия ИАК. СПб., 1904. Прибавление к Вып. 9. Хроника и библиография. Вып. 5. С. 1.

⁶ Председатель Археологической комиссии.

⁷ Речь идет об Отделении русской и славянской археологии, управляющим которого был С. Ф. Платонов.

быть назначен и его реферат («Новые раскопки курганов скифо-сарматского типа близ Смелы»¹) и, пожалуй, краткое сообщение Рериха о его раскопках («Раскопки 1903 г. во Владимир[ской] губ[ернии]»²). Всё это займёт немного времени. Комната для заседания будет устроена. Ваш А. Спицын.³

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 3

№ 4 (64)

14.4.1904

Дорогой Сергей Федорович!

Это вятская глупость и неделикатность. Очевидно, управа и не думала обращаться к Сазонову, который каждую минуту может выполнить свой долг. Жаль, что Вас встревожили хотя бы на минуту. По случаю, передайте мне треть выше управы. Может быть, я решусь до некоторой степени образумить их. Ваш А. С.⁴

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 4

№ 5 (65)

Дорогой Сергей Федорович!

Дела у Лизы очень плохи. Я писал о ней В. Г. Глазову⁵ и, видимо, не без успеха. Однако на днях Лиза получила из Министерства справку, что она не принята. Позвольте мне побывать в Министерстве у Ник. Ник. Дебольского⁶ для справки, где именно она вычеркнута из списков кандидаток. Тогда будет видно, возможна ли ещё какая-либо надежда. Если можно обратиться к Дебольскому, не отвечайте, а если нельзя, сообщите завтра по телефону в Ком[иссию]. Без Вашего слова я не решусь тревожить Н. Н. Целую Вас, Ваш А. Спицын. СПб. 1904. IX/7.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 5

№ 6 (66)

28.1.1905

Конечно, с большой охотой. А. С.⁷

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 6

¹ Граф с конца 1870-х гг. проводил раскопки на территории своего имения Смелы.

² РА ИИМК. Ф. 1. № 86/1903 (Рерих Н. К.). Отчет о раскопках во Владимирской и Ярославской губерниях.

³ Письмо написано на почтовой карточке, дата определена по штемпелю.

⁴ Письмо написано на почтовой карточке, дата определена по штемпелю.

⁵ Глазов Владимир Гаврилович (1848 – 1920) – государственный деятель, министр народного просвещения (1904 – 1905), генерал от инфантерии и член Военного совета Российской империи (апрель 1909 – февраль 1918).

⁶ Дебольский Николай Николаевич (1869 – 1903) – специалист по истории русского права XVI – XVII вв. Исполнял обязанности делопроизводителя в департаменте Министерства народного просвещения.

⁷ Письмо написано на почтовой карточке, дата определена по штемпелю.

Дорогой Сергей Федорович!

Привет наш Вам и всем Вашим! Я возвратился несколько дней тому назад, усталый от жары и недосыпания, но с достаточною добычей. Едем мы, вероятно, в субботу, проводил и всех гостей, и Таню. Меня задерживает Проневский. Все у нас благополучно. Ребятишки чуть не весь день на улице и явно поздоровели.

Деловое. Моего текста хватит и на 10, да протоколы, да 22 таблицы – все же для нормального выпуска этого мало. Я полагал бы прибавить к тому же Владимирскому выпуску Записок Р[усского] О[тделения] ещё статью о чудских белках, которую могу дать лишь осенью. Итак, я думал бы, что с т. VII в. 2 не спешить теперь, а кончить его осенью. Если же Вы как редактор Записок нашли бы, что материала достаточно для выпуска, то в Вашей воле закончить его теперь же.

Это будет т. VII в. 2 Запис[ок] Русск[ого] Отдел[ения] ИРАО, а не т. II, как Вы приказали типографии печатать. Поимейте это в виду при печатании обложки.

т. I – IV – старые Зап[иски] Русск[ого] Отдел[ения].

т. V – Тверской выпуск.

т. VII – вып. Соболевского.

т. VII – вып. 2-й Владимирский (1-й смешанный).

Все остальные листы пришлю Вам для подписи в Красное (если Вы не укажете поступить иначе).

Вчера слышал от гр. Бобринского, что здесь только что арестован склад бомб и гнездо заговорщиков. Предполагалось будто бы бомбы пустить в театр Буфф и Павловске. Он же говорил, что готовится Конституция. Только я в это не верю. Кланяюсь Н. Н.¹, целую детей и Т. А.² Будьте здоровы и отдохните. Целую Вас, А. Спицын. СПб. 1905. VI/2.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 7 – 8

Дорогой Сергей Федорович!

Сегодня я посылаю Вам весь остаток текста. С протоколами будет не менее 11 л. Может быть и довольно?

Ныне по дороге в Везо с нами случилась немалая беда. Лошади понесли и разбили экипаж о телеграфный столб. Слава Богу, все миновало благополучно, но мы с Олечкой все-таки лежим рядком в Везо, и доктор лечит наши ушибы: у неё значительная ссадина на колене, у меня придавило ступню. Доктор говорит, что две недели лечиться, а я думаю, что меньше. О чем не можем без страха

¹ Н. Н. (Надежда Николаевна) – жена С. Ф. Платонова.

² Т. А. (Татьяна Александровна) – тетья С. Ф. Платонова.

вспоминать, так это о Мишеньке. Он был выброшен раньше всех и лежал может быть 2 – 3 минуты под экипажем, пока выбрались остальные, заметили его отсутствие и вытащили. Пока его тащили, он казался безжизненным, как мертвый. Я взял его на руки и поставил на ноги. Мишенька встал и стоял. Но ещё на другой день в Везо он говорил: «Я не дышу» и что «фурману стыдно». Лицо его было в грязи, он не плакал. Он спасся потому, что попал в канаву. Однако голова и спина его лежали на борту канавы, под кожухом; переплёт его лёг на спину, а кожа на голову. Подумать, что мы двигались по ребенку и что его давила такая масса! Это настоящее чудо, что он остался жив. Голова пострадала; и он долго не давал её касаться и несколько дней был сам не свой. Теперь Мишенька почти совершенно оправился, и я не замечаю в нём ничего тревожного.

Виновата во всем небрежность кучера, допустившего, чтобы лошадь забежала за столб. Она оторвалась, а остальные понесли и ударили нас о второй столб. Удар был таков, что столб наклонился градусов на 15, а лошади сломали вальки и унеслись. К счастью, проезжал крестьянин, который помог нам, а после свёз Лену с Олечкой и Мишенькой в город, к доктору и на станцию. Это было всего в версте от города. Доктор ныне здесь вполне порядочный. Так мы Везо ещё и не видали. По рассказам дачников, здесь ныне несколько милее, чем в прошлом году.

Теперь мы все благополучны, чего и Вам всем желаем. А Вам отдыха!

Пока я ничего не делаю, а скоро надеюсь приняться за работу.

Целую Вас, детей, Т. А., кланяюсь Н. Н. Ваш А. Спицын. Везо. 1905. VI/9.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 10 – 11

№ 9 (69)

19.7.1905

Дорогой Сергей Федорович!

Заочно все приветствуем Вас в день ангела Вашего и празднуем оный день самым свежим вареньем. Все мы вполне благополучны и веселы, кроме разве Манечки, которая по временам попадает на сидение «в тёмную» для изгнания беса Каприза. Она очень мила и смышлена. Вчера она говорила маме: «Если ты меня не любишь, я пойду в лес и буду там Богу молиться». Я всё еще посиживаю и толстею – очевидно, и ушиб, и растяжение. Олечка целый день на ногах, но прихрамывает. Писанье мое идёт туговато. Очень прошу Вас попомнить, что мне весьма нужно заняться рисунками Царственной. Целую Вас. Ваш А. С.¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 12

¹ Письмо написано на почтовой карточке, дата определена по штемпелю. Адрес: Рыбинск. Прист[ань] Ильинское.

ИСТОРИЯ

№ 10 (70)

Дорогой Сергей Федорович!

Сейчас уезжаю на раскопки в Воронеж, недели на две. Т. VIII вып. 1 Записок я считаю законченным (будет ещё маленькая заметка, которую я доставлю в типографию по возвращении). Может быть, Вы пошлёте для этого же выпуска очередные протоколы? У нас всё благополучно. Олечка не хворала. Целует Вас и Ваших. А. Спицын. СПб. 1906. VIII/18.

На обратном пути остановлюсь поработать в Москве¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 13

№ 11 (71)

Дорогой Сергей Федорович!

Если у Вас есть свободные, не откажите отделить для меня 100 р. Эту сумму просит мамаша, а у меня нет. Я Вам уплачу её в ближайшие 4 месяца. Ваш А. Спицын. СПб. 1906. IX/15.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 14

№ 12 (72)

СПб. Женский педагог[ический] институт. Платонову

17.IX.1906

У Манечки дифтерит. Просимое, если можно, пошлите телеграфом [в] Котельнич Дарье Семеновне Спицыной. Пока не унываем. Спицын².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 15

№ 13 (73)

*Карандашные расчеты С. Ф. Платонова: «3881, 865 р. 65
324 р. 80»*

Дорогой Сергей Федорович!

О делах «Записок», л. 16-й. Корректурa пропала на почте и будет Вам доставлена в свое время для подписи к печати. Л. 17-й уже напечатан по моему распоряжению, так как я не решился послать Вам корректурa из больного дома для подписи. Листа 18-го набрано лишь 2 страницы, которые я Вам доставлю в корректуре. К выпуску будут ещё прибавлены 11 таблиц, так что он может считаться достаточным по объему. Сегодня по Вашему поручению я говорил с

¹ Письмо написано на почтовой карточке, дата определена по штемпелю. Адрес: Малая Дворянская. Женский Педагогич[еский] Институт.

² На бланке телеграммы.

Б. В. Фармаковским¹. Он согласен представить к оплате счета за т. VIII в. 1 и за шесть листов т. VII в. 2 и еще просить для Отделения открыть специальный кредит из остатков на уплату за предполагаемые 9 л. к т. VII в. 2, чтобы суммы Отделения на 1907 г. остались нетронутыми. Заседание Совета предполагается в четверг. Нельзя ли увеличить сумму на раскопки до 400 р. и сохранить за Отделением оставшиеся у Глазова 50 р.² Обратите внимание Совета на то, что все отчеты о раскопках Отделения, напечатанные с рисунками, и представляют материал, уже совершенно готовый для кабинетных занятий. Никаких недоимок в этом отношении за Отделением нет. 300 р. для двух лиц мало, а программа раскопок русских курганов далеко не исчерпана. М. А. Александров мне сообщил, что Вы пошлете ему протоколы для т. VIII в. 1. Но не задержит ли это выпуск издания и составление отчёта? Полагаю сие на Ваше усмотрение.

О своем. Нет надежды, чтобы Лена встала в ближайшие дни. Вчера у нее готовился приступ болей, но счастливо разрешился. Все дело в питании. Это дало бы ей силы встать, и излечение пошло бы скорее.

Постоянно вспоминаю о Шляпкине. Будьте добры сообщить о нем в Ком[иссию] по телефону, хотя бы меня там и не оказалось. Передадут. Целую Вас. Ваш Спицын. СПб. 1906. XII/4.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 16 – 17

№ 14 (74)

Дорогой Сергей Федорович!

Я передал Фармаковскому, что Вы желали бы вписать свой текст в протокол заседания сообща с Розеном³, предполагая, что он передаст барону протокол в черном виде. Определенный ответ: текст протокола будет представлен прямо в Общее собрание в том виде, как Форм[аковский] найдёт удобным. Барон Розен вчера был в Ком[иссии] (Археол[огической]) для объяснения о про-

¹ Фармаковский Борис Владимирович (1870 – 1928) – российский историк искусства и археолог, историк античности. Специалист в области античной археологии и античного искусства, член-корреспондент Петербургской академии наук (1914). В начале XX в. произвёл большие раскопки древнегреческой Ольвии. Ученый секретарь РАО (1906 – 1919).

² Подчеркивания сделаны С. Ф. Платоновым синим карандашом.

³ Розен Виктор Романович (1849 – 1908) – барон, русский востоковед-арабист, академик Петербургской академии наук (1890), вице-президент АН (1900), с 1885 г. стоял во главе восточного отделения РАО.

токоле и не требовал его себе в черняке. Он, С. Ф. Плат[онов] и Н. И. Веселовский¹ не представили своих резюме, потому их соображения не будут изложены. Я и присутствовавший при разговоре Жебелев²: каким же образом соображения эти не будут изложены в протоколе³, если они были в действительности высказаны? Молчание и ответ: так я изложу и пошлю свое изложение на просмотр и одобрение этих лиц. Так дело Фармак[овский] поставил, по-моему, правильно. Я спешил домой и оставил Фармак[овского] и Жебелева говорить об обязанностях секретаря. Ещё Фармак[овский] высказал: протокол должен быть утвержден Общим Собранием и уже тогда представлен на утверждение великого князя (значит, и вести его к князю пока не подобает). Видимо, бар[он] Розен при вчерашнем свидании был очень неопределенен и ничего не добился; чувствуется, что он портит свою и Вашу позицию.

Ваш А. С. СПб. 1907. 28/II.

Что-то бар[он] Розен уж очень постарел.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 18 – 18 об.

№ 15 (75)

18.5.[19]07

Дорогой Сергей Федорович!

Уже неделю тому назад я отправил свой последний текст для Зап[исок] Р[усского] Отд[еления] т. VIII. в. 2 маленький. Для этого выпуска Шляпкиным приготовлена таблица с некой Алневец. Есть ли в тексте соответственная⁴ статья, и пойдет ли эта таблица в данный выпуск? Сообщите по телефону. А. С.⁵

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л.19

¹ Веселовский Николай Иванович (1848 – 1918) – русский археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии. Вёл раскопки в Самарканде, первым исследовал причерноморские и скифские древности, раскопал Келермесские курганы, Майкопский курган, курган Солоха. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1914).

² Жебелев Сергей Александрович (1867 – 1941) – российский и советский филолог-классик, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии. Академик АН СССР (1927).

³ Слово вставлено сверху строки.

⁴ Слово вписано сверху строки.

⁵ Письмо написано на почтовой карточке, дата определена по штемпелю. Адрес: Пет[роградская] стор[она]. Малая Дворянская. Женский Педагогич[еский] Институт.

№ 16 (76)

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «100 р.»

Дорогой Сергей Федорович!

В Русск[ом] Отделении, по моим недавним справкам, есть остаток в 270 р. или min. на 100 р. Можно показать кредиторам Макаренку и выдать ему эту сумму, так как он наполовину зарисовал, а наполовину быстро её нарисует. Остальные 100 р. Вы покажите остатком или же купите на них бумаги, что мог бы помочь сделать Александров. Если Вам понадобится знать точную сумму остатка, позвоните завтра ко мне по телефону (но до 2 час, т[а]к к[а]к дальше пойдет у нас заседание). Ваш А. С. 1907 XII/4¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 20

№ 17 (77)

Дорогой Сергей Федорович!

Флюс мой проходит, но завтра мне в А[рхеологическую] К[омиссию] ещё не попасть. Заседание 26-го, конечно, устроим. Первым можно назначить мой реферат «О смене культурных настроений у русских до конца средних веков»; вторым Вертоградского².

Надеюсь, что к этому времени будут получены отчеты о раскопках Гатцука³ и Гамченка⁴. О смерти М. Ф.⁵ мы знаем. Ваш А. С. СПб. 1908 1/17⁶.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 21

№ 18 (78)

Дорогой Сергей Федорович!

Спасибо за добрую весточку. От Вашего письма веет отдыхом и степным воздухом⁷.

¹ Письмо написано на почтовой карточке. Адрес: Малая Дворянская. Женский Педагогич[еский] Институт.

² Вертоградский Николай Николаевич (1876 – 1937) – протоиерей.

³ Гатцук Семен Андронович (1856 – после 1917) – археолог, краевед, этнограф, член Черниговского губернского статистического комитета, преподаватель Ново-Чешуйковского народного училища Мглинского уезда Черниговской губернии, автор археологических и этнографических исследований территории северного левобережья Днепра.

⁴ Гамченко Сергей Спиридонович (Свиридович) (1860 – 1932) – российский и советский археолог, член Русского Археологического общества (с 1906 г.).

⁵ Личность не установлена.

⁶ Письмо на почтовой карточке.

⁷ Речь идет о письме из Валуек Воронежской губернии от 4 июля.

Спрашиваете про съезд¹. Можно выразиться зло, но я не могу платить злом за добро. Для меня он был хорош. Кучка археологов была невелика, дружна и весела. Я приобрел кое-какие новые сведения и новых знакомых. Во всяком случае честь Археол[огической] Ком[иссии] на съезде её представителем не была уронена, и меня это тешит. Я пробыл в Костроме 3 дня, так что не успел побывать даже в Ипатьевском монастыре.

Спешил я по причине законного внимания к супруге. Она лечится, но особенно заметного улучшения пока нет. Все те или иные тревоги, а это для неё нож вострый. Да у мамыши в Котельниче дом сгорел, да А. А. Суворова здесь все свои тревоги изливает на Лену, да почтаря Витера здесь убили (он выехал в тот же вечер, что и я, и непосредственно за мною), да погоды дачной настоящей здесь пока нет. Коклюш у нас прошел, но оставил бронхитный² кашель из-за холодных ветров. Ребятам весело – круг знакомых обширен. Завтра празднуем именины Олечки шоколадом и шарадами. В общем, мы живем без больших тревог и слава Богу! Самое важное – что Лене все же лучше. Это тон всему.

Я работаю пока довольно лениво, но все же не без успеха. Главные занятия пойдут к осени.

Спасибо за сведения о майдане. Они удовлетворительны, но мы, археологи, ведь не сытая утроба, кое-что хорошо бы знать еще:

1. Есть ли внутри выемка грунтовой земли (а), или же валы насыпаны на поверхности материка (в).

2. Боковые валы действительно с острыми валами (а) и с тупыми (б).

3. Нельзя ли внутри кольца сделать самые пустяшные разведки, чтобы показать возможную могилу (m): она обозначается темною землею вместо светлой лесовой. Делается ямка до аршина в диаметре. Если майдан не зарос кустами, доставьте себе удовольствие сыскать в нем погребение (буде оно есть).

4. Поищите³, нет ли внешних следов ямы в п или s, от печи для выварки селитры⁴.

Вот целых 4 тяжести на Вас взваливаю. Но если бы Вы нашли могилу – это был бы у нас праздник.

Будьте здоровы и благополучны. Всех крепко целуем, ясно помня, что среди всех и Татьяна Александровна.

Ваш А. Спицын. Везо. 1909. VII/10.

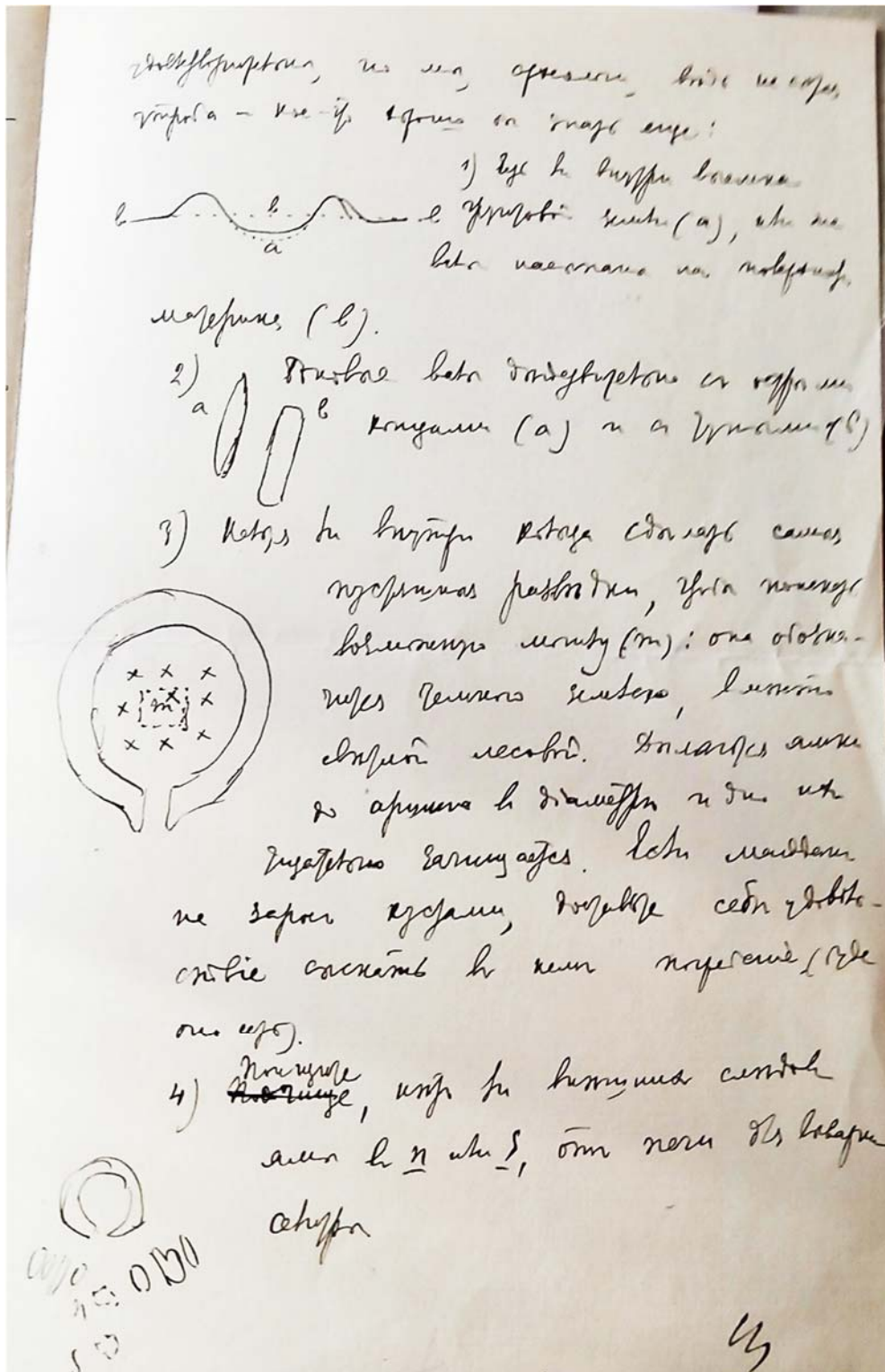
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 22 – 23 об.

¹ Речь идет о Костромском областном археологическом съезде.

² Слово написано над зачеркнутым *коклюшный*.

³ Слово написано над зачеркнутым *почище*.

⁴ Эти вопросы сопровождалась рисунками (см. копию листа).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 23

№ 19 (79)

Спасибо Вам за сведения, дорогой С[ергей] Ф[ёдорович]! Брошюра о разведках будет Вам, надеюсь, доставлена, а о раскопках брошюры в складе нашем давно нет.

Это время погода здесь была плохая, грибов еще мало. Только теперь барометр вышел на «переменно», и мы сегодня уже ходили в Каспервик¹ (сегодня Борисов день). Вчера был здесь очень удачный спектакль. На нем была Лена, и, к моему великому удовольствию, не устала. На днях будет базар – ребята обеими руками загибают удовольствия. В море 15 – 13°. Спасибо! Целую Вас. Ваш А. Спицын. Везо. 1909. 23/ VII.²

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 24

№ 20 (80)

Дорогой Сергей Федорович!

Вчера граф³ сообщил Покрышкину⁴, что Раевский назначается библиотекарем Комиссии, а Сутулло⁵ – делопроизводителем оной. Пока все это секрет. Жалование делопроизводителя 280 руб., без квартиры. Ваш А. С. СПб. 1909. IX/12, вечер среды.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 25

№ 21 (81)

16.1.[19]10

Дорогой Сергей Федорович!

Археол[огическая] Комиссия может предложить Вашему институту клад монет Ивана Грозного, всего 600 экз. за 30 р. Монеты, в общем, хорошей сохранности. Сообщите по телефону мне или Сутулло. Ваш А. С.

Сегодня у меня праздник: узнал, что Моск[овское] Арх[еологическое] Общ[ество] дает мне для университета все свои издания без исключений⁶.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 26

¹ Залив на южном берегу Финского залива Везенбергского уезда; глубина до 14 саженей, длина – 5 верст, ширина – 3 версты; закрыт от всех ветров, кроме северных.

² Письмо написано на почтовой карточке. Адрес: г. Валуйки (Ворон[ежской] губ[ернии]). Отправлено 25, получено 29 (даты на штемпеле).

³ А. А. Бобринский.

⁴ Покрышкин Пётр Петрович (1870 – 1922) – академик архитектуры, профессор архитектуры и строительства, реставратор, преподаватель. В 1920 г. рукоположен в сан священника, последние два года служил в Лукояновском Тихоновском монастыре.

⁵ Сутулло Илья Семёнович (1859 – ?) – регистратор АК с 18 июля 1888 г., с 1 января 1910 г. – делопроизводитель.

⁶ Письмо написано на почтовой карточке. Дата определена по штемпелю.

№ 22 (82)

13.2.[19]10

Дорогой Сергей Федорович! Не нужны ли Институту два клада: 1) монет XVII в., весом 1 ф[унт], ценою 22 р., 2) медных жетонов 9 ф[унтов]^{1*}, детали сообщите по телефону мне или Сутулло. Не откажите также сообщить, говорили Вы тогда с Гриммом² о стульях для Археолог[ического] кабинета. А. С.³

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 27

№ 23 (83)

8.9.[19]10

Дорогой Сергей Федорович!

Может быть, к Вам обратится за советом мой слушатель, естественник Острогский⁴, желающий перейти на наш факультет. Не откажите ему помочь указаниями Вашими. Он из моих прилежных учеников. Ваш А. С. СПб. 1910. IX/10.⁵

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 28

№ 24 (84)

27.9.[19]10

Дорогой Сергей Федорович!

В Арх[еологической] Ком[иссии] есть 15 рублей Анны Иоан[новны] и Ека-тер[ины] I редкой сохранности. Цена им 16 р. Не нужны ли Институту? Сообщите по телефону. А. С.⁶

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 29

№ 25 (85)

Дорогой Сергей Федорович!

Нашего дворника, очень хорошего хозяина, вышвыривают из дому без всякой вины с его стороны. Его помощник, которого также удаляют, очень милый и уважаемый парень, ревет ревмя. Ревет и вся дворницкая, потому что даже квартиры никакой не находят. Верх бесчеловечия и несправедливости. Нет ли у Вас какого-нибудь местечка, хотя бы для этого парня? Он нам очень нравится. Если

^{1*} Есть редкие монеты Таврич[еского] двора – примеч. А. А. Спицына.

² Гримм Давид Давидович (1864 – 1941) – русский юрист, доктор римского права, профессор, ректор Санкт-Петербургского университета (1910 – 1911).

³ Письмо написано на почтовой карточке. Дата определена по штемпелю.

⁴ Острогский В. А. в 1910 г. вместе с другими студентами вел раскопки курганной группы у д. Замощье в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии.

⁵ Письмо написано на почтовой карточке.

⁶ Письмо написано на почтовой карточке. Дата определена по штемпелю.

ничего нет и ничего посоветовать не можете, не отвечайте. Целую Вас лишний раз. А. С. СПб. 1910. X/5.¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 30

№ 26 (86)

Дорогой Сергей Федорович!

Не найдется ли в библиотеке института или у Вас экз[емпляр] книги Боль[шого] Чертежа² для Кудряшова³? У него экз[емпляр] Археолог[ической] Комиссии, который через неделю требуется возвратить. Ваш А. С. СПб. 1910. XI/3⁴.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4276. Л. 31

Библиографические ссылки

1. Акиншин А. Н. С. Ф. Платонов и воронежцы // Памяти академика Сергея Фёдоровича Платонова: исследования и материалы. СПб. : Любавич, 2011. С. 484 – 491.

2. Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст (Памяти А. А. Спицына) // Советская археология. 1948. № X. С. 9 – 11.

3. Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества / ред. С. Ф. Платонов. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1903. Т. 5. Вып. 1. 335 с.

4. Захарова Е. Ю. Роль А. А. Спицына в становлении археологии Воронежского края / Е. Ю. Захарова // Российская археология. 2009. № 3. С. 148 – 152.

5. Императорская Археологическая комиссия (1859 – 1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб. : Дмитрий Булавин, 2009. 1192 с.

6. Митрофанов В. В. Роль С. Ф. Платонова в издании археологической карты Тверской губернии // Российская археология. 2015. № 2. С. 177 – 185.

¹ Письмо написано на почтовой карточке.

² «Книга Большому чертежу» (общепринятое сокращение КБЧ) – подробное описание карты всей территории России и соседних государств XVI – XVII вв., так называемого «Большого чертежа всему Московскому государству», составленного по указанию царя всея Руси Ивана IV после 1552 г. и перерисованного вследствие полного износа около 1600 г. Первый известный полный свод географических и этнографических сведений о России и сопредельных государствах.

³ Кудряшов Константин Васильевич (1885 – 1962) – советский историк, специалист по исторической географии, исследователь «Слова о полку Игореве». Доктор исторических наук, профессор.

⁴ Письмо написано на почтовой карточке.

7. Митрофанов В. В. Археологические раскопки в Валуйках 1909 г. // Клио. 2015. № 6. С. 113 – 121.
8. Митрофанов В. В. «Я искренний патриот»: письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1882 – 1890) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2020. Вып. 37. С. 30 – 59.
9. Митрофанов В. В. «Я чувствую себя на прочном пути...»: письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1891 – 1899) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 1 (10). С. 36 – 58.
10. Митрофанов В. В. «...я не хотел бы причинять Вам ни малейшего недовольствия...»: письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1900 – 1903 гг.) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 2(30). С. 18 – 41.
11. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3456. Л. 31 об. – 32; Д. 4276. Л. 1 – 31.
12. Отчет о деятельности Тверской ученой архивной комиссии за 1902 год. Тверь, 1902. С. 9 – 10.
13. Отчет о деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии с 1903 по 1912 год включительно / сост. правитель дел И. А. Виноградов. Тверь, 1915. С. 39.
14. Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб. : Типография В. С. Балашёва, 1888. 372 с.
15. Платонов С. Ф. Подлинное дело о строении города Смоленска // Смоленская старина. Смоленск, 1911. Вып. 1, ч. 2. С. 21 – 28.
16. Спицын А. А. Производство археологических раскопок. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1895. 70 с.
17. Спицын А. А. Обзорение Курской губернии в археологическом отношении // Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города / под ред. Н. И. Златоверховникова. Курск, 1901. Вып. 1. С. 97 – 100.
18. Спицын А. А. Раскопки близ деревни Дуденево Тверского уезда // Известия Археологической Комиссии. СПб., 1904. Вып. 6. С. 6 – 11.
19. Спицын А. А. К истории заселения верхнего Поволжья русскими. Тверь, 1906. 8 с.
20. Спицын А. А. Археологические разведки. СПб., 1908. 96 с.
21. Спицын А. А. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1910. Вып. 35. С. 131.
22. Спицын А. А. Саратовские древности // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1912. Вып. 29. Прил. 1 – 7. С. 1 – 2.
23. Митрофанов В. В. Археологические раскопки в Валуйках в 1909 г. // Клио. 2015. № 6. С. 120.

24. Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт. СПб. : Любавич, 2011. С. 347 – 361.

25. Толстов В. А. Сотрудничество А. А. Спицына с Рязанской губернской ученой архивной комиссией // История и практика археологических исследований : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, проф. А. А. Спицына, Санкт-Петербург, 26 – 30 нояб. 2008 г. / отв. ред.: Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб., 2008. С. 184 – 194.

26. Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20 – 26 июня 1906 года. Владимир : Типография губернского правления, 1909. 657 с.

27. Труды IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме, в июне 1909 г. Кострома : Губернская типография, 1914. 129 с.

V. V. Mitrofanov

**«...WE, ARCHEOLOGISTS, ARE KNOWLEDGE-HUNGRY...»:
A. A. SPITSYNA'S LETTERS TO S. F. PLATONOV (1904 – 1910 yy.)**

The author continues the publication of A. A. Spitsyn's letters to S. F. Platonov, a long-term close friend and colleague. Epistolary layer, small in volume for 1904 – 1910 allows in one case to concretize, in another – to clarify, in the third - to look in a new way at the multifaceted activities of scientists from the capital, who by the beginning of the twentieth century enjoyed a high position in the scientific community. The main spheres of their interaction can be traced, first of all, in archaeological societies, participation in significant scientific forums that took place outside the capital cities. A. A. Spitsyn and S. F. Platonov are considered to be the outstanding educators of the Russian province due to these facts. Letters are a clear confirmation of this fact.

Keywords: A. A. Spitsyn, S. F. Platonov, epistolary layer, archaeological science, archaeological excavations, provincial scientific societies.

**СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛЛЮЗИИ В ЗАГОЛОВКАХ
ТЕКСТОВ MLM-ДИСКУРСА**

В статье затрагивается проблема многозначности термина «дискурс». Впервые вводится понятие MLM-дискурса – особого вида рекламного дискурса, в котором языковое воздействие направлено одновременно на две ключевые аудитории: представителей, приобретающих товар у производителя, и конечных потребителей, покупающих продукцию у представителей. На примере заголовков текстов журналов MLM-индустрии изучается использование аллюзии как средства привлечения внимания.

Ключевые слова: дискурс, MLM-дискурс, аллюзия, заголовок, рекламный текст.

На сегодняшний день в лингвистике отсутствует общепризнанное определение дискурса, которое охватило бы все случаи его употребления. Многозначность термина «дискурс» и его использование в различных областях гуманитарного знания порождают различные подходы к трактовке значения и сущности данного понятия.

В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т. М. Николаевой дискурс определяется как связный текст; устно-разговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных между собой по смыслу; речевое произведение как данность – письменная или устная [22, с. 467].

Как известно, теория дискурса возникла в рамках лингвистики текста,

но со временем понятия «текст» и «дискурс» стали дифференцировать. В современной лингвистике выделяются несколько подходов к определению дискурса: коммуникативный, структурно-синтаксический, социально-прагматический и структурно-стилистический.

Так, например, Э. Бенвенист считает характерной чертой дискурса соотнесение его с конкретными участниками акта коммуникации – говорящим и слушающим, а также с коммуникативным намерением говорящего каким-либо образом воздействовать на слушателя [11, с. 124].

В. З. Демьянков называет дискурс произвольным фрагментом текста и указывает на то, что дискурс зачастую концентрируется вокруг опорного концепта. При этом дискурс понимается

исследователем значительно шире, чем текст [16, с. 7].

В трактовке Т. А. ван Дейка дискурс – это социальное явление, в котором отражаются культура и менталитет [12, с. 47].

В соответствии с определением американского лингвиста С. Слемброука дискурс представляет собой последовательность тематически связанных друг с другом текстов. Ученый определяет дискурс как корпус текстов, связанных с определенной темой, предметом, комплексом знаний или концептом. Тексты имеют семантические связи, соответствуют определенному периоду времени, обществу и т. д. и с помощью эксплицитной или имплицитной информации ссылаются друг на друга, образуя интертекстуальную связь [26].

Как отмечает А. К. Хурматуллин, в отличие от текста, который может быть представлен как результат языковой деятельности, термин «дискурс» подчеркивает динамический характер языкового общения [25, с. 36].

В рамках структурной лингвистики дискурс трактуют как социальное явление, задаваемое широким набором параметров, таких как отличительные языковые черты, стилистическая специфика, особенность тематики, способов рассуждения и т. д. Дискурс является прежде всего определённым типом высказывания, присущим конкретной социально-политической группе.

В данном исследовании речь пойдет о рекламном дискурсе, а точнее, об одной из его разновидностей – MLM-дискурсе.

MLM-индустрия (от англ. – multi-level marketing) – это индустрия сетевого маркетинга. Мы определяем MLM-дискурс как особый вид рекламного дискурса, в котором языковое воздействие направлено одновременно на две ключевые аудитории: представителей, приобретающих товар у производителя, и конечных потребителей, покупающих продукцию у представителей. Потенциальный покупатель с его социальным статусом и психологическими особенностями восприятия является определяющим и оказывает решающее воздействие на отбор, организацию и возможные модификации языковых средств в языке MLM-дискурса. Языковые средства обслуживают одновременно две цели: ярко описать преимущества продукции компании и максимально выгодно представить инструменты для привлечения новых клиентов и расширения бизнеса. Лингвистический аспект MLM-дискурса непосредственно проявляется в выборе лексических и грамматических единиц, стилистических приёмов, особом синтаксисе и организации печатного материала. MLM-дискурс представляет собой набор рекламных текстов, адресованных распространителям продукции компании, а также конечным потребителям, приобретающим эту продукцию у компании через ее представителей (распространителей, консультантов).

На сегодняшний день реклама оказывает влияние не только на сферу потребительского рынка, но и на употребление русского языка и, как считает Е. С. Кара-Мурза, опосредованно –

на развитие системы русского языка [17]. Актуальность исследования обусловлена также тем, что MLM-дискурс еще не был предметом лингвистического исследования.

Материалом нашего исследования послужили заголовки рекламных текстов из журнала «Аплодисменты» сетевой компании «Mary Kay» за 2017 год. «Аплодисменты» – это информационное издание компании «Mary Kay», которое подлежит распространению исключительно среди консультантов компании во исполнение обязательств по договорам и соглашениям, заключенным ими с компанией.

Вслед за Л. Г. Фещенко для целей настоящего исследования мы определяем рекламный текст как коммуникативную единицу, которая используется в сфере маркетинговой коммуникации, отличается совокупностью вербально и невербально выраженного смысла и имеет в своей структуре формальный признак: один или несколько компонентов бренда [24, с. 16].

Рекламное дело относят к одному из сложнейших видов человеческой деятельности. Трудности объясняются многозадачностью рекламы, которая должна одновременно отвечать нескольким требованиям – нести информацию о том, что рекламируется, запомниться, обратить на себя внимание, вызвать определенную эмоцию, побудить к определенному действию [15, с. 6].

Большую роль в создании рекламного текста играют языковые средства привлечения внимания.

Как известно, заголовок рекламного текста – самая важная его составляющая. Именно заголовок определяет, прочитает ли рекламный текст потенциальный клиент. Для привлечения внимания потребителя рекламисты используют широкий спектр разнообразных языковых средств. Частое применение в заголовках находит такой стилистический приём, как аллюзия, который состоит в соотнесении текста заголовка с каким-либо известным фактом или литературным текстом. В словаре иностранных слов находим два значения термина «аллюзия» (фр. *allusion* – намек, лат. *alludere* – подшучивать, намекать). В первом значении – это неявное, завуалированное (но ясное для адресата) упоминание о ком-/чем-либо, затрагивание какой-либо темы с помощью намека. Во втором значении аллюзия (в литературе) представляет собой стилистическую фигуру, которая заключается в соотнесении описываемого или происходящего с устойчивым историческим понятием или крылатым выражением [19].

Слова, фразы и цитаты употребляются с намёком на общеизвестный факт – литературный, исторический, культурный, мифологический, бытовой или общественно-политический. По содержанию аллюзии подразделяются на литературные и исторические. Литературные аллюзии основаны на включении цитат из прецедентных текстов (часто в изменённом виде), а также на упоминании названия, персонажа какого-либо литературного произведения или эпизода из него. Исторические аллюзии

строятся на упоминании исторического события или лица [14].

К прецедентным текстам вслед за Ю. Н. Карауловым мы относим мифы, предания, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты, имена собственные и т. п. [18].

По мнению Н. П. Соболевой, прецедентные тексты чаще всего встречаются в коммерческой рекламе и могут закладываться в основу краткого рекламного текста как в чистом виде, так и с добавлением компонента (обычно в конце фразеологической единицы). Исследователь отмечает, что использование контекстуально-модифицированных и нетрансформированных фразеологических единиц и прецедентных текстов является на сегодняшний день особенностью рекламного дискурса [23, с. 208].

Рассмотрим заголовки из нескольких номеров журнала «Аплодисменты», в которых мы обнаружили данные стилистические явления.

Некоторые заголовки можно соотнести с известными литературными текстами. Так, например, заголовок «Нет повести прекраснее на свете, чем повесть о продажах и клиенте» [1, с. 18] содержит аллюзию на известные строки из трагедии Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта»: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте. *«Мы все такие разные...»* [3, с. 18] – скорее всего, заголовок можно соотнести со стихотворением поэтессы Т. С. Давыдовой (2012 г.) с одноименным названием.

Заголовки могут содержать намёк на слова из известных песен. Так, например, заголовок «*Пусть говорят, что дружбы женской не бывает*» [4, с. 8] содержит аллюзию на строки известной песни российских эстрадных певиц Алёны Апиной и Лолиты «Песня о женской дружбе». Заголовок «*Весь мир во флаконе*» [8, с. 19], возможно, содержит аллюзию на текст песни Евы Польны «Весь мир на ладони моей». Заголовок «*Только раз в году!*» [6, с. 5] представляет собой строчку из известной песни крокодила Гены «Пусть бегут неуклюже» из мультфильма «Чебурашка».

Примеры аллюзий на названия известных фильмов можно встретить в следующих заголовках. «*Парфюмер: история одного стартового набора*» [1, с. 8] – заголовок содержит аллюзию на известный культовый фильм 2006 г. режиссера Тома Тыквера «Парфюмер: история одного убийцы». «*Будьте нашим Валентином*» [1, обложка] – аллюзия на известную мелодраму канадского кинорежиссера Грэма Кэмпбелла «Будь моим Валентином» (2013 г.). Заголовок «*Пункт назначения – Даллас!*» [3, с. 21] может вызвать ассоциации с известной серией фильмов ужасов «Пункт назначения» американских продюсеров Джеймса Вонга и Глена Моргана.

В текстах заголовков нам встретились аллюзии на известные афоризмы, фразеологизмы и разговорные выражения. Так, например, в составе заголовка «*Март на марше*» [2, с. 10] мы обнаруживаем поговорку «на

марше», которая имеет значение «на пути осуществления чего-либо» и часто используется как военная метафора [21]. В заголовке «*Мастер на все руки*» [7, с. 10] полностью воспроизводится фразеологизм «мастер на все руки», использующийся в русском языке для описания человека, который виртуозно может выполнить любую работу.

В заголовке «*На старт*» [5, с. 16] содержится первая часть известной спортивной команды «На старт, внимание, марш!», произносимой перед началом соревнования.

«*Продаем играючи*» [7, с. 4] – эта фраза стала шаблонной в статьях для менеджеров по продажам для описания стратегий успешных продаж.

Поскольку ключевой аудиторией в изучаемом нами дискурсе выступают женщины (компания «Mary Kay» специализируется на продажах косметики для женщин), в заголовках можно проследить и гендерную специфику. Как справедливо отмечает С. А. Корочкова, гендер в рекламе может проявляться либо в прямой адресации рекламного сообщения мужчине или женщине, либо в комплексе языковых особенностей текста [20, с. 11]. Используя различные языковые средства, авторы пытаются создать образ женщины – консультанта по красоте компании «Mary Kay», стильной, ухоженной, независимой, разбирающейся в тенденциях моды и являющейся образцом для других женщин. Заголовки направлены на развенчивание стереотипных утверждений о женщинах. Так, например,

один из известных стереотипов заключается в том, что если женщина активно занимается бизнесом, то она становится не бизнес-леди, а «роботом», который думает по-мужски, одевается по-мужски и т. д. [13]. В изучаемом нами дискурсе женское предпринимательство рассматривается как нечто, что даёт женщине свободу, независимость и красоту. Приведем несколько примеров:

«*Женщины правят миром*» [2, с. 2] – аллюзия на известное выражение «Миром правит любовь».

Заголовок «*Красота не требует жертв. Красота требует комплиментов!*» [8, с. 14] содержит аллюзию на известный афоризм «Красота требует жертв», который обрел особую популярность после того, как его произнесла известная русская актриса Фаина Раневская в фильме «Найденыш».

Рассмотрим заголовок «*Между нами девочками*» [7, с. 1]. Разговорное выражение «Между нами, девочками, (говоря)» используется в русском языке для описания доверительного общения [10].

Проанализируем заголовок «*Сила женщины – в постоянстве. Слабость – в любви к сумкам*» [7, с. 20]. «Сила женщины – в ее слабости» – эти слова стали популярными после того, как их произнесла главная героиня комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой» Катарина. В тексте произведения фраза звучала так: «Сила наша – в нашей слабости, а слабость наша безгранична». Впоследствии эту фразу перестроили в ту, которую мы часто слышим сегодня.

Рассмотрим заголовок «*Маленькие женские хитрости*» [5, с. 12]. В

русском языке выражение «маленькие женские хитрости» используется для описания каких-либо действий, предпринимаемых женщиной для привлечения внимания мужчин, и различных средств манипуляции, используемых женщинами в отношениях с противоположным полом.

Заголовок «*Себя показать...*» [2, с. 28] представляет собой часть фразеологизма «людей посмотреть и себя показать».

В заголовках изучаемых нами текстов содержатся также аллюзии на популярные телешоу. Рассмотрим примеры.

«*Смойте это немедленно!*» [Там же, с. 22] – аллюзия на название известного телешоу «Снимите это немедленно!», в котором женщинам предлагают полностью изменить свой имидж.

Следующий заголовок «*Кто хочет стать миллионером?*» [9, с. 7] представляет собой аллюзию на известное телешоу с ведущим Д. Дибровым – российскую версию телеигры «Who Wants to Be a Millionaire?», в которой участники зарабатывают деньги, отвечая на вопросы из различных областей знаний.

«*Говорит и показывает “Мэри Кэй”*» [2, с. 26] – аллюзия на название советской еженедельной газеты-телегида, издаваемой Гостелерадио СССР, «Говорит и показывает Москва».

В следующем примере при помощи полисемии слова *маска* (в примере слово использовано в значении «косметическая маска») создаётся аллюзия на развлечения средневековой

Европы: «*Маска, я тебя знаю!*» [7, с. 11]. Фраза «Маска, я тебя знаю» была заимствована из карнавального этикета. В средневековой Венеции, а впоследствии и в других странах, где появлялись карнавалы, если один человек узнавал другого, несмотря на тщательную маскировку, он подходил и тихим голосом говорил: «Маска, я тебя знаю!».

Как мы видим, тексты, содержащие аллюзию высказывания, кроме буквального смысла имеют второй план, заставляющий читателя обратиться к тем или иным ассоциациям или воспоминаниям [14].

Итак, проведенный анализ показывает, что в заголовках текстов журналов MLM-индустрии часто содержится аллюзия различного рода. Намек делается на известные афоризмы, крылатые фразы, фразеологизмы, строки популярных песен, телешоу, цитаты персонажей из известных литературных произведений, названия фильмов. В некоторых заголовках полностью воспроизводятся фрагменты прецедентных текстов («*Кто хочет стать миллионером?*», «*Между нами девочками*», «*Маленькие женские хитрости*», «*Маска, я тебя знаю*»), а в некоторых отрывки предстают в измененном виде («*Красота не требует жертв. Красота требует комплиментов!*», «*Сила женщины – в постоянстве. Слабость – в любви к сумкам*»). Чаще используется так называемое усечение, когда включается только первая («*На старт*», «*Говорит и показывает “Мэри Кэй”*», «*Нет повести прекраснее на свете*,

чем повесть о продажах и клиенте», «Парфюмер: история одного стартового набора») или последняя часть («Себя показать...», «Смойте это немедленно!», «Только раз в году!») прецедентного текста. Использование различных способов выражения гендерных аспектов безусловно связано с оценочным характером рекламных текстов и тем, что определяющим в использовании языковых средств является покупатель, а в нашем случае – это женщины, поскольку и консультанты компании, для которых созданы тексты, и конеч-

ные потребители продуктов – это женщины. Соответственно, в заголовках текстов MLM-дискурса можно проследить корреляцию языковых особенностей и гендерных характеристик адресата рекламы.

Аллюзия позволяет сделать заголовки текста запоминающимся, ярким, привлечь внимание потенциального потребителя к предлагаемому товару.

На наш взгляд, перспективным могло бы стать исследование, направленное на изучение прагматической направленности MLM-дискурса.

Библиографические ссылки

1. Аплодисменты. 2017. Январь.
2. Аплодисменты. 2017. Февраль.
3. Аплодисменты. 2017. Май.
4. Аплодисменты. 2017. Июнь.
5. Аплодисменты. 2017. Июль.
6. Аплодисменты. 2017. Август.
7. Аплодисменты. 2017. Сентябрь.
8. Аплодисменты. 2017. Октябрь.
9. Аплодисменты, 2017. Ноябрь.
10. Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М. : ПАИМС, 1994. 192 с.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с франц. М. : Прогресс, 1974. 447 с.
12. Ван Дейк, Т. К определению дискурса. Л. : Сэйджапбликэйшнс, 1998. 384 с.
13. Владимирская А. Женские стереотипы в обществе [Электронный ресурс]. URL: <https://psycho.ru/library/1489> (дата обращения: 27.11.2021).
14. Граудина Л. К., Ширеев Е. Н. Культура русской речи : учеб. для вузов. М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. 560 с.
15. Дегтярев А. Изобразительные средства рекламы: слово, композиция, стиль, цвет. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 260 с.
16. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239 – 320.

17. Кара-Мурза Е. Русский язык в рекламе [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/advertizing/28_9 (дата обращения: 29.11.2021).
18. Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
19. Комлев Н. Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений]. М. : ЭКСМО-Пресс, 2006. 669 с.
20. Корочкова С. Языковые особенности рекламных текстов в гендерном аспекте: на материале русскоязычных журналов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.
21. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. 785 с.
22. Николаева Т. Краткий словарь терминов лингвистики. М. : Прогресс, 1978. 480 с.
23. Соболева Н. П. Фразеология и прецедентные тексты в рекламе: контекстуальное использование нетрансформированных устойчивых выражений // Вестник ЛГУ им. Пушкина. 2014. Т. 1, № 2. С. 202 – 209.
24. Фещенко Л. Структура рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 28 с.
25. Хурматуллин А. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 6. Гуманитарные науки. С. 31 – 37.
26. Slembrouck S. What is meant by «discourse analysis»? [Электронный ресурс]. URL: <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm> (дата обращения: 29.11.2021).

A. B. Antonova

THE STYLISTIC USAGE OF ALLUSION IN MLM-DISOURSE HEADLINES

The article touches upon the problem of the ambiguity of the term «discourse». For the first time the concept of MLM-discourse is introduced – a special type of advertising discourse in which the linguistic impact is simultaneously directed at two key audiences: representatives purchasing goods from a manufacturer and end consumers buying products from representatives. Using the headlines of the MLM industry magazines the use of allusion as a means of attracting attention is studied.

Keywords: discourse, MLM-discourse, allusion, headline, advertising text.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В РАССКАЗАХ С. К. НИКИТИНА

В статье рассматриваются варианты устойчивых сравнений, вызванных либо изменением формы, либо изменением содержания. Видоизмененные устойчивые сравнения широко используются С. К. Никитиным.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, язык писателя, варьирование, языковая личность, языковая картина мира.

В настоящее время учёные-лингвисты всё чаще настраивают фокус своего внимания на языковой портрет личности. Такие исследования, выполненные в рамках антропологической парадигмы, позволяют сделать не только выводы, касающиеся языка того или иного автора, но и заключения, относящиеся к национально-культурным особенностям народа, поскольку единицы, используемые автором, выражают отношение к объектам окружающей действительности.

Одна из таких единиц – устойчивое сравнение. Именно устойчивые сравнения являются тем средством, которое выражает субъективное отношение целого народа к предметам или явлениям действительности. В основе этих единиц лежит приём сравнения – самый древний приём познания окружающего мира, позволяющий сопоставить два понятия и выявить общие признаки. Средневековый человек с помощью сравнения придавал известные качества неизвестному предмету, современный же человек использует сравнение как средство выразительности речи.

По структуре устойчивое сравнение представляет собой сравнительный оборот – это «часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия – одиночная или с зависимыми словами, которая вводится сравнительными союзами *как, что* (устар.), *чем, нежели, как* или союзами, придающими сравнению модальную окраску, – *словно, точно, будто, как будто (бы), словно как*» [5, с. 534].

В работах, посвященных истории языка, обороты, вводимые союзами *ако, яко, аки, акы* и т. п. и обладающие воспроизводимостью, получили название «устойчивые сравнения», под которыми понимается лексико-семантическое и грамматическое единство трех и более компонентов, обладающее синкретичным значением признака и выраженное посредством сравнительного оборота с союзами *яко, аки, акы, якоже: Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ* («Слово Даниила Заточника») [1, с. 11].

Анализ произведений С. К. Никитина показывает, что автор использует не только устойчивые, но и индивидуально-авторские сравнения, возникшие на основе метафорического переноса. Формальным показателем сравнительной конструкции являются союзы *как, будто, как будто, точно, словно, что*, например: *Он привел меня на окраину города, в дом с палисадником, за которым цвели мальвы, и сдал с рук на руки сморщенной, как печеное яблоко, старухе, бойко сыпавшей словами, точно подсолнуховой шелухой* («Рассказ о первой любви»); *Перед глазами Никона, ослепив его, вдруг полыхнуло, словно сгусток живого огня, красное, освещенное солнцем полотнище, и старика ... пронзило ясное, почти осязаемое воспоминание* («В бессонную ночь»); *Кирюшка, точно пьяный, стоял посреди моста, прислушиваясь к этим звукам, и в туманной голове его летали не мысли, а какие-то стремительные обрывки их* («Однажды летом»).

Устойчивые сравнения помогают реконструировать древнюю языковую картину мира. Под языковой картиной мира понимается «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и

время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [8, с. 15]. Так, в первых памятниках письменности древнерусские книжники сравнивали человека с животным, что позволяло охарактеризовать нравственные и физические качества человека. Такие сравнения говорят о том, что древний человек воспринимал себя частью природы.

В современных текстах устойчивые сравнения видоизменяются. Мы можем наблюдать варьирование анализируемых единиц.

Под варьированием понимается «представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы» [7]. Кроме того, термином «варьирование» обозначаются любые представления о модификациях языковых явлений разного порядка (формальных – семантических, парадигматических – синтагматических, языковых – речевых и др.) [6, с. 12].

Исследователи отмечают два типа варьирования устойчивых единиц: варьирование формы и варьирование содержания, при этом соотношение между формой и содержанием вариантной единицы может быть различным. Во-первых, варьируется форма – содержание однозначно; во-вторых, форма невариантна – варьируется содержание; в-третьих, и форма, и содержание варианты [2, с. 101].

Наш материал показывает, что в текстах С. К. Никитина присутствует лексическое варьирование устойчивых

сравнений, т. е. изменение состава компонентов при сохранении значения устойчивого сочетания. При лексическом варьировании происходит замена компонентов устойчивых единиц на основе парадигматических лексико-семантических связей.

Например, устойчивое сравнение *волосы как солома*, реализующее значение «о чьих-либо светло-жёлтых волосах» [4, с. 405] расширяется за счёт присоединения к эталону сравнения определения «свежая» (свежий – «не утративший своих естественных свойств, доброкачественности» [3]): *Она села рядом с ним, натянула на колени мокрый подол и, вскинув загорелые, по-девичьи тонкие руки, стала поправлять свои желтые, как свежая солома, волосы* («Однажды летом»). В устойчивом сравнении *как грязь* со значением «о чём-либо нечистом, вызывающем отвращение» [4, с. 91] к эталону сравнения присоединяется признаковое слово *липкая* (липкий – «легко прилипающий; клейкий» [3]): *Эта усмешка, как липкая грязь, погасила все, что было для нее святым* («Крах»).

Лексическое варьирование мы наблюдаем и в контексте *Летом вся семья, точно пчелиный рой, пребывает в какой-то жизнерадостной трудовой суете* («Мой знакомый леший»). Устойчивое сравнение *аки пчела* встречаем в достаточно ранних памятниках письменности, например в «Послании Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу» (XIII в.): *Буди, аки пчела, извону нося цвѣты, а внутрь соты дѣлая, да не дымь въ солнца мѣсто*

примеши. В современном русском языке сравнение *трудиться как пчела* реализует значение «об усердно, терпеливо и неутомимо работающем человеке» [4, с. 355]. В тексте С. К. Никитина это устойчивое сравнение трансформируется: семья одного из героев рассказа сопоставляется с пчелиным роем не только по тому, что все усердно трудятся, но и по тому, что каждый член семьи выполняет свои обязанности точно так же, как это делают члены пчелиной семьи.

Индивидуально-авторские сравнения помогают понять картину мира автора произведения, его концептуальную систему. Они субъективны, поскольку эталон сравнения связан не с определённым денотатом, а основан на субъективном, авторском, восприятии мира, и в тексте выступают в качестве изобразительно-выразительного средства.

Например, в предложении *И он, я знаю, ждал этого момента, потому что, когда она в легком халатике сбегала с крыльца и бесшумно скользила по лесу, то была как прекрасный молодой зверь, проворный и гибкий, каждым движением которого можно без устали любоваться* («Тряпки») мы встречаем индивидуально-авторское сравнение *как прекрасный молодой зверь*.

Устойчивое сравнение *как зверь* функционирует уже в первых памятниках письменности: например, в «Повести временных лет» встречаем *И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копы, и прободоша*

Бориса, и слугу его, падиша на нем, про- бодоша с нимь. В современном русском языке устойчивое сравнение *как зверь* реализует значение «о крайне жестоком, свирепом, озлобленном человеке» и имеет в словаре помету *неодобр.* [4, с. 137].

В анализируемом контексте устойчивое сравнение *как зверь* расширяется посредством определений *прекрасный* и *молодой*, в связи с чем изменяется значение этой единицы, которое уже не воспроизводится и не является общеупотребительным, – «о ловко и изящно бегущей девушке». Следовательно, индивидуально-авторские сравнения возникают на основе ассоциативных, метафорических связей.

Традиционным образом сравнения для русского человека считается собака, поскольку именно собака была одним из первых прирученных человеком животных. Неслучайно в «Словаре сравнений русского языка» В. М. Мокиенко зафиксировано около 80 сравнений, эталоном которых является собака.

Следует отметить, что в древнерусских и старорусских памятниках встречается сравнение *аки пес* только с целью дать негативную оценку, что связано прежде всего с христианской традицией, в соответствии с которой собака считается «нечистым» животным: ... *он же аки пес ухвати зубы своими платъ онъ и вотче себе в горло ...* («Повесть о новгородском белом клобуке»).

В своих текстах С. К. Никитин с этой же целью употребляет подобные

сравнения, при этом наблюдается лексическое варьирование, например: *Как весёлая, ласковая собачка, он всюду ходит за старшей сестрой Аней...* («Мой знакомый леший»). Устойчивое сравнение *ходить за кем-то, как собака* употребляется в значении «о человеке или животном, покорно, послушно и преданно следующем за кем-либо» и имеет в словаре помету *неодобр.* [4, с. 398]. Однако в данном контексте отрицательная оценка «сглаживается» за счёт определений *весёлая* и *ласковая*, а также за счёт уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*.

Негативную оценку несёт и сравнение *как болонка*. В современном русском языке сравнение с болонкой присутствует, несмотря на отсутствие фиксации этого сравнения в словарях, однако чаще всего сопоставляются внешние признаки породы: *лохматая, кудрявая, как болонка*. Автор предлагает ещё один признак для сопоставления – *дрожать, как болонка*: *Бывало, львы дрожали в своих клетках, как болонки, когда я ложился за кулисами вздремнуть на куче опилок* («Десяток крутых яиц»).

Анализ произведений С. К. Никитина показал, что наряду с традиционными устойчивыми сравнениями широко используются устойчивые сравнения, основанные на ассоциативных, метафорических, связях, предопределённых субъективным, авторским, восприятием мира, и представляющие собой трансформацию формы или содержания устойчивых сравнений, употреблявшихся ещё в первых памятниках письменности.

Библиографические ссылки

1. Богрова К. М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура : дис. ...канд. филол. наук. Владимир, 2012.
2. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1979. 192 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 21.03.2022).
4. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб. : Норинт, 2003. 608 с.
5. Прияткина А. Ф. Сравнительный оборот // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Дрофа, 1998. С. 534 – 536.
6. Сложеникина Ю. В. Терминология в лексической системе: функциональное варьирование : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 313 с.
7. Солнцев В. М. Вариантность [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru> (дата обращения: 28.09.2021).
8. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3 – 16.

К. М. Bogrova

**ON THE QUESTION OF THE TRANSFORMATION OF SUSTAINABLE
COMPARISONS IN THE STORIES OF S. K. NIKITIN**

The article discusses variants of stable comparisons caused either by a change in form or a change in content. Modified stable comparisons are widely used by S. K. Nikitin.

Keywords: stable comparisons, writer's language, variation, linguistic personality, linguistic picture of the world.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОД КАРТИНЫ РЕМБРАНДТА
«ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА» В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

Статья посвящена изучению художественного кода живописи в поэтических текстах. Рассматривается, как творчество Рембрандта «преломилось» в поэтических текстах, как разные поэты увидели его знаменитую картину «Возвращение блудного сына», каким образом взаимодействие литературного и живописного начал повлияло на образный строй стихов. За основу анализа взято стихотворение Александра Городницкого «Рембрандт», а также стихи И. Бродского, И. Сазоновой, Н. Матвеевой, посвященные творчеству Рембрандта.

Ключевые слова: поэтический текст, притча, хронотоп, Рембрандт, гуманность, милосердие, живопись.

Изучение связи живописи и художественной литературы всегда считалось актуальной темой на основе общности и специфики образно-смысловых структур обоих видов искусства, которые могут оказывать в своей совокупности комплексное эстетическое воздействие на человека. «Всякое расширение границ художественной формы того или иного искусства, “вторжение” его в область других искусств дает хорошие плоды тогда, когда является внутренним, органическим процессом роста самого этого искусства, развертывания его потенциальных возможностей» [4, с. 30 – 31].

При этом, как считают многие исследователи, «художественная культура строится на вербальной основе: литература оказывает определяющее (систематизирующее) воздействие на все виды искусства, в ее контексте воспринимаются художественные образы,

создаваемые в других искусствах» [3, с. 314]. Мифологические и литературные сюжеты лежат в основе многих произведений живописи, скульптуры, театра и т. д. Это же относится и к картине Рембрандта «Возвращение блудного сына».

Притча о блудном сыне – это притча Иисуса Христа в 15-й главе Евангелия от Луки, метафорически раскрывающая Божье милосердие ко всем грешникам, которые с искренним раскаянием обращаются к Нему. Героями притчи являются отец, олицетворяющий Отца Небесного, старший (праведный) сын и младший (блудный) сын, отступивший от Бога и сейчас вопиющий к Нему о прощении. Притча о блудном сыне находится в центре того понимания гуманности, которую проповедовал Иисус Христос: о грехе и покаянии, о доверии и спасительной любви к ближнему.

Сюжет последней картины гениального голландского художника Рембрандта ван Рейна «Возвращение блудного сына» и многих других его картин неоднократно находил отражение и разную интерпретацию в поэтических текстах, которые благодаря безграничным возможностям слова способны вбирать в себя элементы художественного содержания любого искусства.

В статье рассматривается, как творчество Рембрандта «преломилось» в поэтических текстах, как разные поэты увидели его знаменитую картину, а также каким образом взаимодействие литературного и живописного начал повлияло на образный строй стихов. За основу анализа взято стихотворение Александра Городницкого «Рембрандт».

«Рембрандт»

В доме холодно, пусто и сыро.
Дождь и ветер стучат о порог.
Возвращение Блудного Сына
Пишет Рембрандт. Кончается срок.

Сын стоит на коленях, калека,
Измощенных не чувствуя ног,
Голова – как у бритого зека, –
Ты откуда вернулся, сынок?

Затерялись дороги во мраке.
За спиною не видно ни зги.
Что оставил ты сзади – бараки?
Непролазные дебри тайги?

Кто глаза твои сделал пустыми,
Развратители или война?
Или зной Галилейской пустыни
Все лицо твое сжег дочерна?

Не слышны приглушенные звуки.
На холсте и в округе темно, –
Лишь отца освещенные руки
Да лица световое пятно.

Не вернуться. Живем по-другому.
Не округла, как прежде, Земля.
Разрушение отчего дома –
Как сожжение корабля.

Запустение, тьма, паутина,
Шорох капель и чайный крик,
И предсмертную пишет картину
Одинокий и скорбный старик.

Стихотворение «Рембрандт» отличается глубиной и многослойностью подтекста, в нем А. Городницкий не явно, но достаточно ясно поднимает очень серьезные социальные, политические и философские вопросы. Главным художественным приемом в данном тексте является хронотоп, точнее, это даже не прием, а органическое выражение способа мышления и познания автора.

М. М. Бахтин писал, что большие и существенные хронотопы могут включать в себя неограниченное количество мелких хронотопов: «Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях...» [1, с. 401].

В стихотворении выявляется несколько разных хронотопов. С одной стороны, пространство замкнутое, свое – дом Рембрандта, в котором он пишет картину «Возвращение блудного

сына»; с другой – пространство открытое, чужое – пространство блудного сына. В пространстве художника – конкретное время (XVII век), в пространстве сына – регистр разных времен: библейские времена (*зной Галилейской пустыни*), XX век (*бараки, непролазные дебри тайги*), любое время (*развратители, война*). Незримо присутствует в стихотворении и идиллический хроно-топ – детство и юность блудного сына: раз он вернулся в отчий дом, значит, то время было для него счастливым.

Точкой отсчета в стихотворении является последний год жизни Рембрандта, когда он писал свою знаменитую картину «Возвращение блудного сына». Для того чтобы понять данный поэтический текст и саму картину, необходимо хотя бы кратко описать жизнь художника.

Рембрандт Харменс ван Рейн родился в 1607 году в Нидерландах, в состоятельной многодетной семье (он был шестым ребенком), которая, несмотря на достаток, жила скромно, соблюдая строгие католические правила. С детства увлекался живописью, в овладении которой впоследствии совершенствовался в Амстердаме.

Счастливое детство, творческие успехи уже в молодом возрасте, женитьба на любимой Саскии, всеобщее признание и слава, богатство, собственный особняк – все было у Рембрандта. Но судьба наносит ему жестокие удары. В 1642 году от туберкулеза умерла его любимая жена, богатство и признание сменились ушедшими учениками и заказчиками, невероятными долгами,

банкротством, презрением, травлей окружающими, нищетой.

Об этом написала Ирина Сазонова, имея в виду счастливую картину Рембрандта «Автопортрет с Саскией на коленях»:

Автопортрет с женою на коленях:
Счастливейший момент запечатлен!
И гений не увяз в своих сомненьях –
А должен быть толпе угоден он?

Здесь Рембрандт в славе,
он любим, женат,
Еще довольно молод и богат,
Не написал еще «Ночной дозор» –
И свой восторг и тяжкий свой позор...

Не потерял он Саскии своей,
Богатства, славы, сына и друзей.
Все впереди – но он того не знает.
Художник долго счастлив не бывает!

При жизни художником было написано около 350 полотен, более 100 рисунков и около 300 офортов. Иосиф Бродский о творчестве Рембрандта в своем стихотворении «Рембрандт» писал так:

И вот тогда он посмотрел вокруг.
Рассматривать других имеешь право
лишь хорошенько рассмотрев себя.
И чередою перед ним пошли
аптекари, солдаты, крысоловы,
ростовщики, писатели, купцы –
Голландия смотрела на него
как в зеркало.
И зеркало сумело
правдиво – и на многие века –
запечатлеть Голландию...

Вернемся к стихотворению А. Городницкого. Во второй строфе хроно-топ изменяется: из XVII века действие перемещается в библейские времена перед нами – непосредственное описание картины «Возвращение блудного сына», где действие происходит «здесь и сейчас»: *Сын стоит на коленях, калека, / Изможденных не чувствуя ног...*

Рембрандт писал картину в последние годы своей жизни, будучи нищим больным стариком. В это же время его постигла страшная трагедия – от чумы умер его единственный сын Титус. Преодолеть горе и страдания художнику помогла лишь работа над картиной «Возвращение блудного сына». Рембрандт словно спроецировал себя на место отца в библейском сюжете, который имел счастье обнять своего ребенка. Художник написал огромную картину не «на заказ». Он словно подвел итог своего жизненного и творческого пути, отдав себя на суд высшему милосердию и миру.

«Возвращение блудного сына» – картина о человеческом пути к самопознанию, самоочищению и духовному росту, которые даются ценой потерь и страданий. Войдя в родной дом, сын, больной и обессиленный, падает на колени перед отцом, который склоняется к нему, полный любви и милосердия.

Но в стихотворении А. Городницкого наблюдаются иные акценты. В третьей и четвертой строфах видно смешение хронотопов, смешение времен и пространств, что отражает лексический строй. М. М. Бахтин писал: «В литературно-художественном хронотопе имеет

место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 235].

Мы не видим на картине Рембрандта лица блудного сына, но автор стихотворения нам его показывает: *сын-калека с пустыми глазами и с обожженным дочерна лицом. Откуда вернулся блудный сын? Что он оставил за собой? Бараки, дебри тайги, войны, зной Галилейской пустыни. Разве мог отец, живущий в библейские времена или даже в Голландии XVII века, предположить что-то о бараках или дебрях тайги? Как нам кажется, автор стихотворения с помощью легенды о блудном сыне говорит о миллионах замученных в сталинских тюрьмах, о сломанных безжалостной государственной машиной судьбах, о миллионах не вернувшихся в отчий дом. И горестно заключает: *Не вернуться. Живем по-другому. / Не округла, как прежде, Земля. / Разрушение отчего дома – / Как сожжение корабля.* Хотя образ блудного сына может быть гораздо более глубоким обобщением: в своих стихах А. Городницкий пишет об узниках Майдака и Освенцима, бараках Трешлинка, Варшавском гетто.*

Характерно, что автор стихотворения описывает не только картину и свое собственное ее восприятие, но также

и специфику живописи Рембрандта: *Не слышны приглушенные звуки. / На холсте и в округе темно, – / Лишь отца освещенные руки / Да лица световое пятно.* Как известно, Рембрандта называли королем светотени. В картине «Возвращение блудного сына» воплотились особенности зрелой живописной манеры художника, сами цвет и свет приобрели одухотворенный характер.

Об этом же пишет Новелла Матвеева:

На кладбище нищих
в старинном седом Амстердаме
Лежит император контрастов...

И юный художник, взволнованный
звонкой молвою,
И старый прославленный гений
На кладбище нищих с поникшей
придут головою
Почтить короля светотени.

А тень от него никогда не отступит.
Хоть часто
Он свет перемешивал с нею.
И мастер контраста – увы! –
не увидит контраста
Меж смертью и славой своею.

Всемирная слава пылает
над кладбищем нищих:
Там тень, но и солнце не там ли?

Н. Матвеева, характеризуя живописную манеру Рембрандта – «короля светотени», строит свое стихотворение метафорически тоже на «светотени», а именно на контрастном противопоставлении лексем: *кладбище*

нищих – император контрастов; юный художник – прославленный гений; кладбище нищих – король светотени; тень – свет; мастер контраста – не увидит контраста; смерть – слава; тень – солнце.

Вся жизнь Рембрандта – контраст света и тени, бедности и богатства, счастья и горя. Такое противопоставление рождает философские мысли о неизбежной несправедливости жизни, но эту несправедливость смягчает, сглаживает, нивелирует человеческая доброта, способность любить и прощать, что мы и видим, и что проповедует Рембрандт в своей картине «Возвращение блудного сына».

Иосиф Бродский в стихотворении «Рембрандт», когда пишет о роли света и тени в картинах художника, задает философский вопрос: а что такое свет в людях, лицах, в жизни? *Не лица разнятся, но свет различен: / Одни, подобно лампам, изнутри освещены. / Другие же – подобны всему тому, / что освещают лампы. / И в этом – суть различия... они всего лишь пользуются светом / и часто злоупотребляют им, / как всякой вещью, что досталась даром. / Одни порою застыт свет другим. / Другие заслоняются от света. / А третьи норовят затмить весь мир / своей персоной – всякое бывает. А для иных он сам внезапно гаснет.*

И. Бродский по-своему рассматривает свет-тень у Рембрандта, у него своя философия света: свет, исходящий от людей, различен. Одни – изнутри своей души освещают этот мир: *Одни, подобно лампам, изнутри освещены.*

Такие люди всегда услышат, поймут, посоветуют, помогут, примут. Другие *всего лишь пользуются светом / и часто злоупотребляют им, / как всякой вещью, что досталась даром.* Есть и такие, которые *застят свет другим.* Это, как нам кажется, маленькие семейные диктаторы, начальники любых уровней, диктаторы государственные – все те, кому не хватает собственной душевной силы для жизни, они «вампиры» для других людей, им не хватает воздуха жизни, поэтому нужны нервы и жизни других, чтобы чувствовать себя комфортно. Есть и те, которые *заслоняются от света.* И это, на наш взгляд, тоже есть нормальное течение обыденной человеческой жизни: растить детей и внуков, вязать носки, сажать сад и огород, ходить на работу, сидеть вечером перед телевизором – такая жизнь большинства людей рождает уверенность в завтрашнем дне. Но есть и те, которые *норовят затмить весь мир / своей персоной,* т. е. сами хотят стать светом для всех. И таких примеров история знает очень много, начиная от египетских фараонов, римских императоров и заканчивая Лениным, Сталиным, Гитлером, Мао Цзедунем и др. Последняя фраза в стихотворении И. Бродского загадочна и в силу этого очень многозначна: *А для иных он сам внезапно гаснет.* Мы не решаемся интерпретировать ее, поскольку толкований может быть очень много: духовная смерть, биологическая смерть, творческое бессилие, человеческое горе и т. п. Хочется думать и верить, что свет в человечестве, вопреки тьме, неизбывен.

Последние четыре строки анализируемого стихотворения А. Городницкого снова возвращают нас в Голландию XVII века. Начало и конец стихотворения как будто обрамляют текст печалью, грустью и смертью. В его начале: *В доме холодно, пусто и сыро. / Дождь и ветер стучат о порог. / Возвращение Блудного Сына / Пишет Рембрандт. / Кончается срок.* В его конце: *Запустение, тьма, паутина, / Шорох капель и чаячий крик, / И предсмертную пишет картину / Одинокий и скорбный старик.*

Складывается впечатление, что действие и не прерывалось: одинокий и скорбный старик пишет картину, а текст между началом и концом – его мысли, размышления о жизни, людях, о себе. Вокруг дождь, тьма, паутина, а внутри его уставшей души – скорбное, но все-таки бурление жизни, эмоций, философских рассуждений о добре и зле, грехе и прощении, которые он воплощает в своей гениальной картине. Об этом, но уже в XX веке писал А. Блок: «Знаменательно, что передовые художники в наши дни не удовлетворяются вопросами «как» и «что»... тупой болью и последним отчаянием вырастает «проклятый» вопрос, посещающий людей в черные дни: “к чему?”, “зачем?”» [2, с. 97].

Голландцы, а вслед за ними и все цивилизованное человечество поняли и признали мощь гения Рембрандта лишь спустя 200 лет после его смерти.

Таким образом, великая картина «Возвращение блудного сына» в стихотворении Александра Городницкого

имеет иное, отличное от классического, понимание. В нем поэт «фокусирует» библейскую притчу на XX век: блудный сын – это миллионы замученных людей в сталинских и фашистских лагерях, это холокост, это безжалостность государства и безжалостность времени, но тем не менее – это Возвращение в отчий дом, а значит – надежда на ту великую гуманность, которую проповедовал Иисус Христос.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Эстетика словесного творчества. М., 1976.
2. Блок А. Об искусстве / сост., вступ. ст. и примеч. Л. К. Долгополова. М., 1980.
3. Боров Ю. Б. Эстетика. М., 1988.
4. Дмитриева Н. Изображение и слово. М. : Искусство, 1962. С. 30 – 31.

E. Yu. Muratova

ART PAINTING CODE OF REMBRANDT'S PICTURE «RETURN OF THE PRODIGAL SON» IN POETIC TEXTS

The article is devoted to the study of the artistic code of painting in poetic texts. The article examines how Rembrandt's work was «refracted» in poetic texts, how different poets saw his famous painting «Return of the prodigal son», how the interaction of literary and pictorial principles influenced the figurative structure of poetry. The analysis is based on the poem «Rembrandt» by Alexander Gorodnitsky as well as poems by I. Brodsky, I. Sazonova, N. Matveeva, dedicated to the work of Rembrandt.

Keywords: poetic text, parable, chronotope, Rembrandt, humanity, mercy, painting.

УДК 2

Е. И. Аринин, М. С. Лютаева

**СИСТЕМНЫЙ АУТОПОЙЕЗИС РЕЛИГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ
БОЛЬШИХ ДАННЫХ (BIG DATA) И «ДАТАИЗМА»**

Исследование посвящено социально-философскому анализу феномена «больших данных» (Big Data) (далее – БД) в области религиозной коммуникации и перспектив научного исследования религии. В качестве теоретико-методологической основы используется теория аутопойетических систем Никласа Лумана. В рамках данного подхода религия описывается как автономная саморазвивающаяся коммуникативная система. На основе метода семантических различений анализируется опыт использования БД в качестве инструмента взаимодействия религиозных организаций и людей, нуждающихся в религиозном общении. Данный опыт представляется актуальным на фоне пандемии Covid-19 и вынужденного ограничения непосредственного, интерактивного («лицом-к-лицу») взаимодействия людей и перемещения коммуникации в цифровую среду. Также рассмотрены аспекты необходимости осмысления возможностей применения больших данных с точки зрения соответствия внутреннему семантическому полю религии, обозначены перспективы применения ресурсов БД для академического исследования религии.

Ключевые слова: большие данные, Никлас Луман, аутопойезис, коммуникативные системы, религия, религиозные организации, вернакулярная религия.

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 21-011-44195

В современном обществе проблема коммуникации в цифровой среде является актуальной темой многочисленных междисциплинарных исследований. Особо в данной сфере выделяется проблема больших данных (Big Data). В рамках гуманитарных исследований БД представляют собой ресурсы для цифровой гуманитаристики (Digital Humanities), открывая новые возможности аналитических, статистических, теоретико-методологических поисков и решений.

С 1995 года Национальный корпус русского языка [15] фиксирует характеристику современного общества как «информационного». Сам концепт «информационное общество» стал популярным после выхода работы Э. Тоффлера (Alvin Toffler, 1928 – 2016) «Третья волна» (The Third Wave, 1980), хотя, по замечанию исследовательницы Т. В. Науменко, «единого мнения о том, что же все-таки считать главным критерием этого общества, каковы основные критерии его выделения, а также каковы

механизмы его развития, на сегодняшний день не существует» [14]. Из самого названия феномена очевидна доминанта слова «информация». Технология хранения и передачи информации развивалась от устных форм в небольших сообществах («лицом-к-лицу») до фиксации ее в письменном тексте, ставшим «медиумом наблюдения над мнением наблюдателей», а также «медиумом десоциализации общения» [6, с. 610]. С 1439 года происходит колоссальное расширение ареала доступности письменной информации благодаря изобретению Иоганном Гутенбергом подвижных литер для печатного станка. В XX веке в результате технических усовершенствований рамки естественной коммуникации были еще больше расширены благодаря возникновению и «взрывоопасному» распространению электронных медиа, которые сводят на нет все «пространственные коммуникативные ограничения» [11, с. 322]. Несмотря на дискуссионность понимания концепта «информационное общество», по замечанию Ф. Уэбстера, «основой всех этих дефиниций становится убеждение, что количественные изменения в сфере информации привели к возникновению качественно нового типа социального устройства» [18, с. 14]. В контексте имеющегося и постоянно увеличивающегося объема информации возникла междисциплинарная область, объединившая математику, информатику, машинное обучение и статистику, которая получила название «большие данные» [21, с. 12], а также специальная научная отрасль Data Science, в задачи которой

входят сбор, алгоритмический анализ и практическое использование огромных массивов данных [17, с. 18]. «Под обобщающим термином “большие данные” (Big Data) принято понимать любые наборы данных, достаточно большие и сложные для того, чтобы их можно было обработать традиционными средствами работы с данными» [Там же]. Новые технологии позволяют улавливать, аннотировать и сохранять обширные объемы данных из различных источников (информацию с различных сайтов, из социальных сетей, поисковые запросы), регистрируя также данные сенсоров. Закономерно возникает проблема обработки и анализа этих данных для смыслового оперирования.

Концепт БД может быть объяснен с точки зрения системной теории Никласа Лумана, описывающей общество не как совокупность индивидов, но как надиндивидуальную сеть коммуникаций, которая характеризуется постоянно увеличивающейся комплексностью (сложностью). Сам Н. Луман указывает на то, что в ранних системных теориях, формулировавшихся в 1950 – 60-х годах, «комплексность была главной проблемой» [10, с. 174]. Соответственно возникал вопрос ее редукции. Система всегда осуществляет упрощение (редукцию) комплексности окружающего мира и недифференцированных коммуникаций [Там же, с. 175] посредством избирательного отбора смыслов на основе семантических различий, главная роль среди которых принадлежит системному коду (истина/заблуждение

в науке, законный/незаконный в системе права, красивый/некрасивый в системе искусства и т. п.). С точки зрения Н. Лумана, сфера системы формируется на основе селекции лингвистических и семантических данных и при осуществлении их письменного самонаблюдения. Так формируется стабильный семантический контекст системы: понятийный аппарат, круг тем и проблем системы, способы их решения, т. е. комплекс взаимных ожиданий коммуникации. В теории Н. Лумана религия оказывается автономной, самоопределяющейся коммуникацией, регулирующей процессы включения и исключения, наблюдающей за собственными же наблюдениями [3, с. 15]. Н. Луман выделял следующие основные системные различия религиозной системы: *bestimmbar/unbestimmbar* (определенное/неопределенное), *vertraut/unvertraut* (надежный/ненадежный), *beobachtbar/unbeobachtbar* (наблюдаемый/ненаблюдаемый), *erreichbar/unerreichbar* (доступный/недоступный), имманентный/трансцендентный. К видимым (или внешним) формам религии Н. Луман относит религиозные организации, свидетельством успешности которых служат количественные показатели – членство и посещаемость богослужений [Там же, с. 240]. Однако через внешние формы участия в религиозной жизни активизируется и внутренний уровень религиозной системы, когда организация становится общиной веры (*Gemeinschaft im Glauben*), а также затрагиваются смысловые различия, обособляющие систему. Еще

одной современной проблемой Н. Луман обозначает увеличившуюся дифференцированность общества и, как следствие, отсутствие гарантий на включение (инклюзию) членов общества для участия в системном аутопойезисе. Функциональная дифференциация общества (в общем понимании) декларирует равенство и свободу индивидов на включение в общество, но в то же время она приводит к массовым исключениям. В данной ситуации религия может выступать системой, компенсирующей социальную дезинтеграцию, так как включение в нее не зависит от участия индивида в политической, экономической, образовательной и других сферах [13, с. 249].

В настоящее время ресурсами БД активно и успешно пользуются различные социальные сферы, в первую очередь бизнес. Однако анализ этих данных стал инструментом для активации деятельности и религиозных общин, что стало особенно актуально в связи с пандемией Covid-19, когда были резко ограничены интерактивные способы общения, введены запреты на посещение общественных мест, распространена работа из дома и т. п. В США для интеграции религиозных организаций в мир больших данных был создан сервис *Gloо*, позиционирующий себя в качестве системы сбора данных для церквей. Слоган платформы: «*Help your church reach & serve more new people each week*» («Помогите своей церкви охватить и служить большому количеству новых людей каждую неделю»). На официальном сайте указано, что в

настоящее время услугами пользуются более 2000 церквей [1], в том числе Trinity Lutheran Church, Westside Church, Gospel Fellowship, Valley View Christian Church и др. Обратились к услугам сервиса 15 миллионов человек, зарегистрировано 6882 электронных запроса на молитву, установлено 18 472 взаимодействия пользователей Интернета с зарегистрированными церквями [Там же].

Сервис Gloo круглосуточно анализирует запросы в Facebook, Instagram, Google местного населения (определенного города, региона) по определенным тематическим областям, таким как: отношения (relationships), брак (marriage), одиночество (loneliness), вера (faith), беспокойство (anxiety), кризисные ситуации, зависимости и др. Далее сервис предоставляет религиозным организациям релевантные запросы, на которые они могут отреагировать и отправить «послание надежды и приглашение к коммуникации» (a message of hope & an invitation to connect). Важным преимуществом платформы оказывается вовлечение в религиозную коммуникацию людей, «которые обычно не ходят в церковь, но нуждаются в молитве, имеют вопросы об Иисусе или нуждаются в помощи». Свою миссию организаторы позиционируют следующим образом: *«Мы меняем способы, которыми церкви и люди связываются друг с другом. Это позволяет удовлетворить целый ряд потребностей, начиная от духовного развития, отношений, здоровья, призвания, молитвы,*

финансового обучения и многого другого. Когда церкви принимают по-настоящему открытый подход к цифровому распространению, связи становятся глубокими... и удивительными» [2].

В Русской православной церкви также поднимается вопрос о возможности обращения к потенциалу БД. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл считает, что цифровые инструменты управления этими данными могут использоваться в церковной деятельности, о чем он заявил на встрече с участниками IX Международного фестиваля православных СМИ «Вера и Слово» (21.10.2021), однако обращение к подобным технологиям не следует, по мысли патриарха, осуществлять бездумно, требуется их анализ на соответствие Преданию, мировоззрению, пасторским целям и соборным решениям [16]. В данном примере отчетливо видна апелляция к догматическому уровню религиозной системы, а также необходимость увязывания новых действий с предшествующими решениями религиозной организации (РПЦ), что удачно описывается в лумановской модели.

Исследователи феномена религии могут также использовать в своих научных поисках количественные и качественные данные, предоставляемые различными ресурсами. Например, на основе анализа больших данных социологи прогнозируют доминирование среди мировых религий ислама к 2100 году [9]. Интересен сервис Google

Trends, представляющий запросы в Интернете с 2004 года и возможность их аналитики на основе таких показателей, как частота, популярность, динамика, рейтинг, сочетания (collocations) в контексте выбранных временных, региональных и языковых рамок. Также запрос может быть уточнен, если он принадлежит к различным тематическим кластерам. Например, популярность слова «христианство» в России за последние 12 месяцев может быть рассмотрена просто как поисковый запрос («христианство; поисковый запрос») или уточнена тематически: христианство – религия, учебная тема, обращение в христианство. Максимальное значение приходится на период 10 – 16 октября 2021 года (присвоено значение 100, от которого далее рассчитана относительная популярность слова для выбранного периода). Пиковые значения: 9 – 15 мая 2021 года (значение 95), 19 сентября – 2 октября 2021 года (значение 98), 30 января – 5 февраля 2022 года (значение 98) [19]. В разделе «Еще по теме» (т. е. связанные запросы) представлены поисковые запросы, которые отправляли пользователи, искавшие исходное слово. Для интересующего нас запроса – «христианство» – такими связанными запросами оказываются «ассирийцы» (прирост популярности – 1100 %), «варяги» (прирост 350 %), форма философии (прирост 180 %), а также темы: «нация» (прирост 120 %), «шииты» (прирост 120 %), «троица» (прирост 120 %), «даосизм» (прирост 120 %), «франки» (прирост 110 %), «сунниты»

(прирост 110 %), «монах» (прирост 110 %). Популярность этих запросов по регионам России представлена следующим образом: Ивановская область (100), Ставропольский край (80), Республика Северная Осетия-Алания (75), Оренбургская область (74), Кабардино-Балкарская Республика (73), Кировская область (69), Ярославская область (66), Кемеровская область (65), Архангельская область (65) [19].

Анализ популярности запроса «христианство – религия» (страна – Россия, период – март 2021 года – март 2022 года) предлагает следующие связанные запросы: «христианский пост правила» (прирост 900 %), «может ли мусульманин жениться на христианке» (прирост 300 %), «христианские знакомства» (прирост 160 %), «православие и христианство разница» (прирост 140 %) [Там же].

Сервис «Яндекс» также ведет статистику популярности поисковых запросов. Популярность слова «христианство» в России составляет 595 263 показа в месяц [20].

При беглом анализе запросов обращает на себя внимание наличие таких феноменов, связываемых населением с христианством, как «православная музыка» (12 405 показов в месяц), «христианская музыка» (8686 показов в месяц), «православная архитектура» (2202 показа в месяц), «православная еда» (1289 показов в месяц), «христианская архитектура» (582 показа в месяц), «христианская одежда» (584 показа в месяц), а также приведенные выше запросы «может ли мусульманин жениться на

христианке», «христианские знакомства» и т. п., что отсылает к концепции «живой (проживаемой) религии» (lived religion) или вернакулярной религии (vernacular religion) (Л. Приммиано), делающей акцент на неорганизованные практики и идеи, которые имеют динамическую взаимосвязь с официальной религией [5, p. 39]. Основным исследовательским фокусом данного подхода, заимствованного из фольклористики и этнографии, является описание религии в повседневности («understanding religion in everyday life»), когда особое внимание уделяется тому, как люди «постоянно создают, меняют и трансформируют религиозную жизнь» в скрытых и манифестируемых формах [4, p.193].

В качестве общих выводов по наблюдению религии в контексте БД можно обозначить следующие. Это пространство может быть описано как комплексная недифференцированная коммуникативная среда, эволюция которой происходит по линии постоянного увеличения комплексности (среды и систем). Для смыслового оперирования и тематического обособления (дифференциации) применяется метод «различения различий» (Н. Луман) – выявление ключевых слов, ключевых фраз, таргетирование с помощью программируемых алгоритмов. Как считают А. Ю. Антоновский и Р. Э. Бараш, «социальные сети выступают сегодня неким суперсубъектом, который использует ряд программных нейронно-сетевых механизмов, очень похожих и на искусственные, и на естественные.

Эти механизмы состоят в способностях оценивать значимость и вес тех или иных релевантных для запуска несетевой активности событий, триггеров и процессов» [7, с. 5]. Масштабность, повсеместность и влияние БД на общество некоторые авторы сравнивают с самой религией, называя ее «датаизм». Ю. Н. Харари отмечает: «Подобно тому, как божественная власть была узаконена религиозными мифологиями, а человеческий авторитет – гуманистической идеологией, высокотехнологичные гуру и пророки Силиконовой долины создают новую универсальную историю, которая узаконивает авторитет алгоритмов и Big Data. Это новое вероучение можно назвать “Датаизм”» [8].

В области религии БД могут затрагивать внутренний уровень и требовать решений, коррелирующих с догматическим уровнем традиции (высказывание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла), на внешнем уровне – это активация религиозных организаций, изменение способов их функционирования, принятия решений. На уровне научного исследования религии, который является описанием второго порядка (Н. Луман), т. е. извне системы, с соблюдением дистанции к тому, что «само собой разумеется в повседневной жизни», рационально генерируя такую дистанцию, «чтобы достичь более абстрактного гарантированного уровня непротиворечивости» [12, с. 571] БД предоставляют новый фокус описания. Возможность наблюдения социальных тенденций, следующих из фактического материала, который собирается

анонимно, постоянно и по всему миру, которые в области религиоведения право- может включать неожиданные и неофи- мерно изучать как вернакулярные рели- циальные смысловые корреляции, ко- гиозные практики.

Библиографические ссылки

1. Gloo. About Us [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gloo.us/about-us> (дата обращения: 12.03.2022).
2. Gloo. Help your church reach & serve more new people each week [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gloo.us/> (дата обращения: 12.02.2022).
3. Luhmann N. Die Religion der Gesellschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2002. 364 s.
4. Primiano L. N. 'I hate that book because it does not change and I do': recent books on vernacular religion. // Critical Review of Books in Religion Journal of the American Academy of Religion and the Journal of Biblical Literature. 1998. Vol.11. P. 193 – 209.
5. Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife // Western Folklore. 1995. № 1. P. 37 – 56.
6. Антоновский А. Ю. «Общество общества», и/или Краткая история коммуникативных медиа // Общество общества. Кн. 4: Дифференциация / Н. Луман ; пер. с нем. Б. Скуратова ; Кн. 5: Самоописания / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеевой. М. : Логос, 2011. С. 597 – 632.
7. Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. Т. 50. С. 5 – 20.
8. Датаизм, или единая религия big data [Электронный ресурс]. URL: <https://www.byud.me/ru/blog/2016/08/dataism-big-data/> (дата обращения: 12.03.2022).
9. Ислам обгонит всех. К 2100 году ислам станет самой массовой религией на планете [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/04/03_a_6623561.shtml (дата обращения: 12.03.2022).
10. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера ; пер. с нем. К. Тимофеевой. М. : Логос, 2007. 360 с.
11. Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского ; Кн. 2: Медиа коммуникации / пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова ; Кн. 3: Эволюция / пер. с нем. А. Антоновского. М. : Логос, 2011. 640 с.
12. Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация ; пер. с нем. Б. Скуратова ; Кн. 5: Самоописания / пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеевой. М. : Логос, 2011. 640 с.

13. Лютаева М. С. Никлас Луман о религиозной организации (на материале монографии «Религия общества») // Религии в России и мире: политика и конструирование религиозной идентичности : сб. науч. докл. / под ред. проф. Е. И. Аринина ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2019. Т. 35 (Серия «Свеча – 2019»). С. 246 – 250.

14. Науменко Т. В. Что такое информационное общество [Электронный ресурс] // Информационное общество. 2021. № 6. URL: <http://infosoc.iis.ru/article/view/684/516> (дата обращения: 12.03.2022).

15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 12.03.2022).

16. Патриарх Кирилл допустил возможность использования инструментов big data в церкви [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12723749> (дата обращения: 12.03.2022).

17. Силен Д., Мейсман А., Али М. Основы Data Science и Big Data. Python и наука о данных. СПб. : Питер, 2018. 336 с.

18. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной ; под ред. Е. Л. Вартановой. М. : Аспект-Пресс, 2004. 400 с.

19. Христианство – Анализ – Google Trends [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?geo=RU&q=христианство> (дата обращения: 12.03.2022).

20. Христианство [Электронный ресурс] // Яндекс. Подбор слов. URL: <https://wordstat.yandex.ru/#!/?regions=225&words=христианство> (дата обращения: 12.03.2022).

21. Ённ Анналин, Су Кеннет. Теоретический минимум по Big Data. Все, что нужно знать о больших данных. СПб. : Питер, 2019. 208 с.

Е. И. Arinin, M. S. Lyutaeva

**SYSTEMIC AUTOPOYESIS OF RELIGION IN THE SPHERE
OF BIG DATA AND «DATAISM»**

The study is devoted to the socio-philosophical analysis of the Big Data phenomenon in the field of religious communication and the prospects for the scientific study of religion. The theory of autopoietic systems by Niklas Luhmann is used as a theoretical and methodological basis. Within the framework of this approach, religion is described as an autonomous self-developing communicative system. Based on the method of semantic distinctions, the experience of using Big Data as a tool for the interaction of religious organizations and people in need of religious communication is analyzed. This experience seems to be relevant against the backdrop of the Covid-19 pandemic and the

forced restriction of direct, interactive ("face-to-face") interaction between people and the transfer of communication to the digital environment. Aspects of the need to understand the possibilities of using Big Data from the point of view of compliance with the internal semantic field of religion are also considered, the prospects for using Big Data resources for the academic study of religion are indicated. The study was supported by the RFBR grant, project No. 21-011-44195.

Keywords: big data, Niklas Luhmann, autopoiesis, communication systems, religion, religious organizations, vernacular religion.

УДК 294.51

В. В. Останин

ПРАБХУПАДА И АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII – XIX ВЕКОВ

В статье исследуется связь между известным индийским мыслителем XX века А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупадой (1896 – 1977) и традицией английской поэзии XVII – XIX веков (Уильям Шекспир, Джон Мильтон, Джордж Байрон, Джон Китс, Перси Шелли, Уильям Купер, Уильям Блейк). Положительная оценка, даваемая Прабхупадой английской поэзии, квалифицирует его как личность и мыслителя мирового масштаба, ценителя общечеловеческой культуры и поэзии в частности.

Ключевые слова: английская поэзия XVII – XIX веков, индуизм, А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, Уильям Купер, Джон Мильтон, Уильям Блейк.

Прабхупада (1896 – 1977) – знаменитый индийский мыслитель и общественный деятель, автор многочисленных переводов санскритской религиозно-философской классики («Бхагавад-гита», «Бхагавата-пурана» и др.) и комментариев к ней, основатель наиболее распространенного на сегодняшний день и ныне преуспевающего Общества («Международное общество сознания

Кришны»), широко распространяющего идеи и практику *гаудия-вайшнавизма*¹ – направления индуизма, основанного Шри Чайтаньей (1486 – 1534). Прабхупада вырос и получил образование в Шотландском церковном колледже Калькутты, фактической столицы Британской индийской колонии. В силу данного обстоятельства Прабхупада прекрасно знал и ценил

¹ Гауда – «Бенгалия» (санскрит), т. е. *гаудия-вайшнавизм* – бенгальский вишнуизм.

классический английский язык, литературу и поэзию. На его глубоком знакомстве с английской поэзией XVII – XIX веков мы в данном исследовании остановимся более подробно.

Факт серьезной осведомленности Прабхупады, традиционного индийского мыслителя, с лучшими образцами английской классической лирики весьма многозначен. Это позволяет увидеть в личности и творчестве Прабхупады идеал масштабов истинности евразийского гуманизма, а ведь именно такая позиция, по нашему глубочайшему убеждению, невероятно перспективна в плане будущего возможного процветания человечества.

Большое внимание в своих беседах и письмах Прабхупада уделял, прежде всего, Уильяму Шекспиру (1564 – 1616), величайшему английскому поэту и драматургу. Однако данной теме посвящена отдельная статья автора [5], поэтому останавливаться здесь на этом подробнее не представляется необходимым.

В своих высказываниях Прабхупада дает общую оценку английской поэзии рассматриваемого периода, причем делает он это от противного. В беседе с ним манипурский ученый-химик доктор Сингх «провоцирует» Прабхупаду на оценку личности известного эволюциониста Чарльза Дарвина (1809 – 1882), с которым Прабхупада заочно, но практически перманентно полемизировал [1]. Он делает это следующим образом:

Д-р Сингх: Он [Дарвин] был очень очарован произведениями искусства, такими как чтение литературы,

например, произведения Шекспира и поэтов, таких как Байрон, Китс и Шелли. Он говорил, что был очень очарован ими в юности.

Прабхупада: Нет. Конечно, он был вне всяких сомнений глубокомысленным человеком.

Д-р Сингх: Но когда он закончил свою книгу «Теория эволюции», уже в преклонном возрасте, он сказал, что потерял всякий вкус к этому. Он заявил, что всякий раз, когда он начинает вспоминать свои юные дни... когда он вспоминает Шекспира, Байрона и все подобные вещи, он говорит, что его начинает буквально тошнить.

Прабхупада: Он стал слишком прозаичным. Он уже не мог оценить поэзию... и он скорбел об этом» (Беседа, 30.01.77, Бхуванешвар) [6].

Итак, из данного высказывания Прабхупады становится ясно, насколько высоко он ценил английскую поэзию: Уильяма Шекспира, Джорджа Байрона (1788 – 1824), Джона Китса (1795 – 1821), Перси Шелли (1792 – 1822) и др.

В одном из своих писем Прабхупада цитирует еще одного известного английского поэта указанного периода – Уильяма Купера (1731 – 1800). «Лучше довольствоваться сельскохозяйственной продукцией, чем ехать в большие города и заниматься промышленностью... В Индии Махатма Ганди пытался организовать деревни таким образом, чтобы не переманивать людей в город. Столь мирная атмосфера может быть достигнута только тогда, когда есть крупномасштабная деревенская

организация, фактическая деревенская жизнь. Не стоит заимствовать идеи из города и внедрять их в деревенскую жизнь. Поэт Купер сказал, что “деревня создана Богом, а города созданы человеком”. Таково их различие» (Письмо Раяраме, 17.10.68, Сиэтл) [6]. Изначально поэтический пассаж Купера звучит так: «Бог создал деревню, а человек создал город» / «God made the country, and man made the town» («The Task», Sofa, 1.749) [7].

Также в одном из своих комментариев к «Чайтанья-чаритамрите» (1.5.22), поэме-биографии Шри Чайтаньи, написанной на бенгальском языке в XVI веке, Прабхупада тем не менее находит место для следующего высказывания о знаменитом английском поэте Джоне Мильтоне (1608 – 1674): «Злоупотребив этой свободой, живое существо падает в материальный мир, где испытывает тройственные страдания обусловленной жизни. Мытарства души в материальном мире, на которые она обрекла себя по собственному желанию, хорошо изобразил Джон Милтон в поэме “Потерянный рай”. Точно так же, по своему выбору, душа может вновь обрести рай и вернуться домой, к Богу» [2, с. 452]. Упоминание английского поэта и фактически ненавязчивое приглашение почитать его – это нонсенс для нормативного комментария к средневековому индийскому тексту.

Однако наиболее представленным в наследии Прабхупады (кроме уже упоминавшегося Шекспира) оказался знаменитый английский поэт-мистик Уильям Блейк (1757 – 1827). Прабхупада вдохновил одного из своих учеников – ученого-филолога Говарда Уилера – напечатать и разобрать в профессиональном журнале «Back to Godhead» поэзию Блейка. А в беседе с не менее известным, но уже американским поэтом-битником Алленом Гинзбергом (1926 – 1997), автором нашумевшей в свое время поэмы «Вопль» («Howl»), Прабхупада как минимум обсуждает три стихотворения Блейка из его знаменитых «Песен Невинности и Опыта»: «К Тирзе» («To Tirzah»), или «К Фирце», «Маленький трубочист» («The Chimneysweeper») и «Агнец» («The Lamb»). Более того, он дает им весьма лестную оценку. Позволим себе солидную, но репрезентативную выдержку из данной беседы [6].

Аллен Гинзберг: Моим *кави-гуру*¹ был поэт по имени Уильям Блейк. Знаете ли Вы Блейка?

Прабхупада: О! Да-да!!! Я слышал его имя... (Говарду Уилеру). Я думаю, ты написал одну статью об этом?

Говард Уилер: Точно... Думаю, в одной из статей, касавшейся поэзии сознания Кришны, я упоминал Блейка.

Прабхупада: Да... Он не придавал большого значения этому материальному телу.

¹Кави-гуру – «учитель поэзии» (санскрит).

Аллен Гинзберг: Нет! В конце своей жизни он вообще не обращал внимания на материальное тело.

Прабхупада: Итак, в его поэзии проявлена духовная концепция жизни.

Говард Уилер: Блейк умер, воспевая славу Бога. Я не знаю, как он конкретно молился, но он умер, прославляя Бога.

Аллен Гинзберг: Да, он умер, воспевая Его славу.

Прабхупада: О!

Аллен Гинзберг: Не хотели бы Вы послушать одну из песен Блейка?

Прабхупада: Песню Блейка?

Аллен Гинзберг: Да.

Прабхупада: Да, почему нет...

Аллен Гинзберг (Питеру¹): Не споешь песню «К Тирзе»?

Рожденному в земную часть
Придется снова в землю пасть,
Чтоб встать однажды, не скорбя –
И что мне жено до тебя!
В Саду два пола расцвели,
Отбросив Стыд, – на гибель шли;
Но грешных пожалел Господь,
На труд и плач обрекший Плоть.
О, Мать моих земных цепей
И горестной тюрьмы моей!
Меня ты заточила в склеп,
В котором я и глух, и слеп.
Ты рот забила мне землей –
И тяжек жребий мой земной!
Но спас меня Христос, скорбя –
И что мне жено до тебя!

[3, с. 140 – 141]

Прабхупада: Он верил в существование духовного тела! Это очень хорошо!

Аллен Гинзберг: Это...

Прабхупада: Это сознание Кришны!

Аллен Гинзберг: «Маленький трубочист»! (Питеру) Не хочешь попытаться спеть ее?

Прабхупада: Маленький трубочист?

Аллен Гинзберг: Это песня, написанная Блейком. «Был я крошкой, когда умерла моя мать...»

Был я крошкой, когда умерла моя
мать.

И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я невзгоды
терплю,

Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю.

Стригли давеча кудри у нас
новичку,

Белокурую живо обстригли башку.
Я сказал ему: «Полно! Не трать своих
слез.

Сажа, братец, не любит курчавых
волос!».

Том забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто мы, трубочисты – Дик, Чарли и
Джим, –

В черных гробиках тесных, свернувшись,
лежим.

«Но явился к нам ангел, – рассказывал
Том, –

Наши гробики отпер блестящим

¹ Питер Орловски (1933 – 2010) – поэт-битник.

ключом,
И стремглав по лугам мы помчались
к реке,
Смыли сажу и грелись в горячем
песке.
Нагишом, налегке, без тяжелых
мешков,
Мы взобрались, смеясь, на гряды
облаков».
И смеющийся ангел сказал ему:
«Том,
Будь хорошим – и Бог тебе будет
отцом!»
В это утро мы шли на работу
впотьмах,
Каждый с черным мешком и метлою
в руках.
Утро было холодным, но Том
не продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится
тревог¹.
(Беседа с Алленом Гинзбергом,
11.05.1969, Колумбус) [4]

Оценка творчества У. Блейка Прабхупадой («это сознание Кришны») весьма знаменательна. Очевидно, что Прабхупада не являлся носителем так называемого «сектантского мышления», он был способен усмотреть проявления общечеловеческой духовной культуры в любых ее

высоких образцах. Похожим образом он однажды охарактеризовал святость Франциска Ассизского:

«Вопрос из аудитории [задан монахом Францисканского ордена]: Святой Франциск, основатель этого особого ордена... обрел Бога в материальном мире. И он имел обыкновение обращаться к различным аспектам материального мира как «брат» и «сестра». «Брат-дерево», «сестра-водица». Что вы думаете об этом?

Прабхупада: Это настоящее сознание Бога. Это настоящее сознание Бога!» (Лекция во Францисканской семинарии св. Паскаля, 28.06.1974) [6].

Итак, если такова была реакция Прабхупады на представителей английской поэзии, то он, несомненно, смог бы оценить (если бы пересекался) и творчество отечественных поэтов и писателей Золотого и Серебряного веков: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Бальмонта, Блока, Достоевского, Толстого, Булгакова. Прабхупада являлся образцом духовного интеллигента, его пример – идеал для подражания евразийского типа человека. Знание и высокая оценка им английской поэзии XVIII – XIX веков – лишь частная характеристика его незаурядной высокодуховной личности.

¹ Перевод выполнен знаменитым советским поэтом С. Я. Маршаком.

Библиографические ссылки

1. А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Жизнь происходит из жизни. – М. : Бхактиведанта Бук Траст, 2017. 160 с.
2. А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Шри Чайтанья-Чаритамрита. Ади-лила. М. : Можайск-Терра, 2003. Т. 1, гл. 1 – 7.944 с.
3. Блейк У. Песни Невинности и Опыта / пер. с англ. С. Степанова. СПб. : Азбука-классика, 2009. 272 с.
4. Вильям Блейк. Стихотворения [Электронный ресурс] / пер. С. Я. Маршака // Собр. соч. в 8 т. М. : Худ. лит., 1969. Т. 3. URL: http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/stihi_marsh.txt (дата обращения: 22.02.2022).
5. Останин В. В. Прабхупада и поэзия Шекспира // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы Десятой Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Барнаул, 18 – 19 июня 2020 г. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 209 – 215.
6. А. С. Bhaktivedanta Swami Prabhupada. Folio Bhaktivedanta Vedabase. The Complete Teachings [Электронный ресурс] // The Bhaktivedanta Archives, 2019. URL: <https://prabhupada.com/Vedabase/VedaBase.html> (дата обращения: 22.02.2022).
7. William Cowper. The Task, a Poem, in six books. Book I. The Sofa [Электронный ресурс] // Eighteenth-Century Poetry Archive. URL: <https://www.eighteenthcenturypoetry.org/works/o3795-w0010.shtml> (дата обращения: 22.02.2022).

V. V. Ostanin

PRABHUPADA AND 17th – 19th CENTURY ENGLISH POETRY

The article examines the connection between the famous Indian thinker of the XXth century A. C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada (1896 – 1977) and the tradition of English poetry of the 17th-19th centuries: William Shakespeare, John Milton, George Byron, John Keats, Percy Shelley, William Cooper, William Blake. Prabhupada's positive assessment of English poetry qualifies him as a person and a world-class thinker, a connoisseur of human culture and poetry, in particular.

Keywords: English poetry of the 17th – 19th centuries, Hinduism, A. C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada, William Cooper, John Milton, William Blake.

А. С. Тимощук

ДХАРМА КАК МИРСКАЯ РЕЛИГИЯ И ЭСТЕТИКО-ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ ОЗНАЧАЮЩЕЕ

Индия до сих пор привлекает к себе внимание, возможно, уже не столько своей культурой и религиями, сколько экономическими возможностями. Это один из крупнейших рынков труда и рынков сбыта, глобальный актор эмерджентного мира. Однако масса народов, которая «вошла в котёл» индийской цивилизации, также является интересным опытом цивилизационной гетерогенетики. Принципы устойчивого развития, столь важные для современного глобального мира, уже были выработаны в Древней Индии и назывались «дхарма» (от корня «дхри» – удерживать, нести). Дхарма представляет собой комплексный способ поддержания стабильности в обществе с помощью регуляторов религии, морали, права, художественной культуры. В эпоху конвергенции правовых систем актуально изучение идей устойчивого развития, представленных в индийской социокультурной системе.

Ключевые слова: дхарма, религия, право, устойчивое развитие, конвергенция.

В настоящее время традиционная культура активно изучается как модель сохранения ценностно-смысловых ориентиров, поддержания институциональной устойчивости. Особый интерес представляет индийская социокультурная матрица, так как она сохраняет продолжительную социокультурную динамику, генерирует новые культурные идентичности, при этом поддерживая аутентичную самореферентную социокультурную основу, и имеет высокий ресурс адаптивности, гибридности, гибкости.

Данная социокультурная система насчитывает один из самых длительных периодов существования практически без изменений ценностно-смыслового ядра, что свидетельствует о ее значительной стабильности. До сих пор для большинства

последователей индуизма принципы «Ману-самхиты», «Бхагавад-гиты» и иных источников не потеряли своей значимости. Ортодоксальные двиджы (представители сословий брахманов, кшатриев, вайшьев) совершают священные обряды, предписанные священными писаниями Индии, такие как упанаяна (посвящение священным шнуром), виваха (свадьба), шрадха (поминальные обряды) и праяшчита (искупление греха). «Смрити-шастра» до сих пор изучается не только в традиционных санскритских школах в Индии (чатуспатхи, тол, гурукула и т. д.), но и в колледжах и университетах по всему миру.

Однако наиболее важными особенностями системы регулирования Древней Индии являются диалогизм и парламентаризм. Индия всегда исходила

из прагматического понимания мира как неоднородной реальности, где невозможна одна мировоззренческая система (капитализм, коммунизм), одна религия (христианство, ислам). Именно поэтому термин «индуизм» имеет столько критиков, так как он фиксирует некое воображаемое сообщество с разрозненными концепциями, идеями, разными лидерами и даже ценностями. Даже современные индуистские организации ищут свою идентичность в некотором мезопространстве [13].

Очевидно, что полифоничность Индии была выработана в плюралистичной среде множества народов, вер, философских школ и составила её некий архетип, который, в отличие от авраамических религий, встречался только в индоевропейских средиземноморских цивилизациях. Естественной реакцией на социокультурное многообразие стали диалогизм, парламентаризм (сабха), аргументация и риторика (ньяя), представительство, надконфессиональность. Напрашиваются параллели с российским обществом, где остро ощущается дефицит национальной идеи и способности вести диалог разных партий, религий, лидеров, этносов. Если и возможно образование российской целостности как подлинно народного единства, то оно должно быть выработано через взаимодействие разных этических систем.

Индия оказала инкультурное воздействие и на иные общества, особенно в Юго-Восточной Азии и в бассейне Индийского океана. Законы Бирмы, написанные на языке пали, несут в себе

влияние «Законов Ману». В Индонезии существуют четыре книги по праву («Кутара», «Манува», «Девагама» и «Свараджамбу»), каждая из которых в большой степени основывается на «Законах Ману». В некоторых правовых текстах Камбоджи также цитируется указанный выше текст. Законодательная система Таиланда также основывается на «Ману-смрити». «Ману-смрити» отразилась в законодательстве Брунея, Сингапура, Тайваня, Омана, Республики Филиппины.

Китай заимствовал идеационную систему буддизма. Сюжеты древнеиндийской литературы («Рамаяна», «Махабхарата») распространены в искусстве Бали, Японии, Индонезии, Таиланда. Существует представление, что законодательство персидской империи царя Дария I испытало сильное влияние «Ману-смрити». Подтверждением этого служит тот факт, что одним из богов пантеона персов является Вайвасвату Ману [18, с. 33; 21, с. 10].

Иран, Азербайджан, Греция связаны с Индией через культ Митры, а также торгово-политические отношения. Таким образом, актуально изучение темы жизнеспособности и пассионарности индийского социума, который, с одной стороны, долгое время был образцом для соседей, с другой – *terra incognita* для Запада.

Некоторая часть смрити буквально являлась частью действующего законодательства Индии вплоть до обретения независимости в 1947 году. Культурная основа древнеиндийского общества была настолько естественна и глубока, что пережила многие завоевания

Индии, однако секулярная культура, привнесенная британскими завоевателями, положила начало процессу вестернизации Индии, который продолжается до сих пор.

Россия сегодня озабочена проектом «ограниченной модернизации», т. е. когда технологичность сочетается с традиционным ценностно-смысловым содержанием; когда высокий уровень интеграции в глобализационные процессы не приводит к вымыванию патриотизма; когда социокультурные свободы не приводят к однополым бракам. Это придает актуальность изучению опыта других социокультурных систем, включая индийскую, которая задолго до России прошла неоднократную проверку на стабильность социума.

В современной России можно констатировать возникновение своего рода духовной «недостаточности» вследствие крушения прежней системы ценностей. Нейтральное содержание термина «идеология» деформировано в массовом сознании реалиями недавнего исторического прошлого, как следствие, идеология ассоциируется с духовной несвободой и политической цензурой. Формирование общероссийской идеи – один из самых острых вопросов отечественной жизни, успешное решение которого дало бы стимулы и мотивы, способствующие укреплению России.

Жизнедеятельность социальной системы напрямую зависит от общественного сознания. Современное российское государство стремится развить гражданскую идентичность и обще-

ственное сознание через реформы судебной системы, правоохранительных органов и др., однако порой этот путь реформ кажется нескончаемым и самозамкнутым. Всё громче звучат предложения пойти по самобытному русскому пути эволюции сознания через национальную идеологию, религию. Насколько это эффективно? И что мы можем предложить в качестве скрепляющей наднациональной силы? Индия в этом смысле показательна тем, что фактически всё время была светским государством, в котором сосуществовали тысячи религиозных систем, но ни одна из них не была долгое время доминирующей.

Эффективное регулирование социокультурной системы возможно благодаря идеационным и социально-психологическим факторам, оставляющим для государственного принуждения только крайнюю роль наказания [5, с. 5]. Исследование данного вопроса актуально для российской действительности, так как в настоящий момент в современном российском государстве пока наблюдаются высокий уровень социального расслоения и сопутствующая ценностная дезориентация общества. Удивительная «жизнеспособность» индийского общества, устойчивость его основных источников и институтов, сложившихся в глубокой древности, делают его систему актуальной для научного изучения. Устройство социальной системы и закрытость этнических групп позволили обществу, с одной стороны, достичь поразительной стабильности, а с другой – сохранить индивидуальность каждой из

совместно проживающих социальных групп [19, с. 4].

«Мегасфен говорит об индийцах как о ревностных почитателях закона и свидетельствует о том, что преступления совершались у них очень редко; подобные свидетельства можно найти у Фа-сяня, а также у средневековых арабских путешественников, хотя Сюаньцзан рисует несколько менее благоприятную картину» [1, с. 124]. Традиционные общества сложно оценивать в терминах «прогресс» – «регресс», так как, несмотря на своё техническое отставание, они обеспечивали высокий уровень устойчивости общества. При этом ключевым фактором, необходимым для того, чтобы поддерживать стабильность общественных циклов, выступало выполнение обязанностей [14, с. 897].

Таким образом, устойчивость индийского общества нуждается в многоаспектном анализе, особенно в части взаимодействия права, морали, религии, политики и социума в целом. Данные подсистемы в традиционном обществе Древней Индии существуют в совокупности с мировоззренческими представлениями, что определило комплексный характер исследуемой проблемы, поэтому подразумевает обращение к разносторонним источникам: философским, психологическим, культурологическим, социологическим, антропологическим, правовым и т. д. Так, среди иностранных исследований по культуре и праву Древней Индии следует отметить следующих авторов: Бенерджи

Суреш Чандра, Шикарипур Ранганатха Рао (Ш. Р. Рао), Даниель Алан, Ромиль Тапар, Манедра Кулашрештха, Джон В. мак-Криндл, Ж. Дюмезиль, Сатсварупа дас Госвами.

Вопросы общей теории государства и права и философии права в ключе заданной темы представлены в работах С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, А. Б. Венгерова, О. Г. Данильяна, Т. В. Кашаниной, В. В. Лазарева, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, В. С. Нерсесянца, В. Н. Протасова, В. М. Сырых и других.

Существенный вклад в понимание системы морали и права, структуры общественного сознания внесли Ю. Г. Арзамасов, А. Н. Бабенко, М. С. Балаянц, А. И. Бобылев, А. П. Бутенко, П. Г. Васильев, В. Г. Графский, А. В. Евсеев, Д. И. Заров, С. В. Зыкова, А. И. Клименко, А. О. Лядов, Е. О. Мадаев, С. А. Матвеев, В. Ф. Мартынов, О. В. Мартынов, О. В. Мартышин, М. А. Месилов, О. Н. Мигущенко, С. А. Миненков, И. М. Микиенко, Р. А. Рахимов, В. А. Томсинов, А. Г. Хабибуллин, А. И. Экимов и другие.

Общая характеристика общественно-правовой системы Древней Индии, а также ее отдельных элементов присутствует в работах Г. М. Бонгарда-Левина, А. А. Вигасина, Р. Давида, К. Жоффре-Спинози, Н. А. Крашенинниковой, А. М. Самозванцева, С. Ф. Ударцева, К. Цвайгерта и Х. Кётца, Е. С. Юрловой.

Одну из последних аналитических работ о метаморфозах дхармы в Индии и индуистских общинах провёл правовед

из Санкт-Петербурга Н. В. Маринчев, который в серии своих выступлений поставил следующие исследовательские задачи: разработать комплекс социокультурных констант регулирования традиционного древнеиндийского общества; определить границы уровней функционирования традиционных социальных регулятивов Древней Индии и описать их; проанализировать взаимодействие традиционных социальных регулятивов Древней Индии; рассмотреть особое значение эстетической доминанты в качестве социального регулятора, транслируемого через эстетические нарративы [7; 8].

Источниковой базой исследуемой проблемы являются древние тексты «Вед», написанные на санскрите и переведенные на английский язык, а также авторитетные традиционные комментарии ведических ученых к данным текстам. Нижеперечисленные письменные источники дают представление об идеологических основах древнеиндийского общества и его общественном сознании: «Бхагавата Пурана», «Бхагавад-гита», «Ману-самхита», «Парашара-смрити», «Ягьявалкья-смрити», «Нарада-дхармашастра», «Махабхарата» и др.

Очевидно, что система социальных регулятивов Древней Индии не вписывается в стандартные рамки историко-правового и философского исследования, поэтому порой её по сложности сравнивают с монстром [12, с. 134]. Отметим ее специфические особенности, вызывающие трудности в познавательном процессе.

1. Историческая отдаленность. Индия – это не только одна из древнейших цивилизаций, но и последовательно циклическая культура, долгое время игнорировавшая линейный подход. Только арабские завоеватели, а затем и британцы смогли создать определённую научную историографию. Однако величие индуистской циклической хронологии в том, что её можно бесконечно комментировать. Восприятие мира как непрестанной периодической итерации сообщает необычное вдохновение миллионам людей, живущим в разное время и в разных культурах.

Мир как цикл – это определённая ценностно-смысловая константа, которая определяет не только исторические, но и социально-экономические процессы, ценностно-смысловой генезис, фундирующие устойчивость системы. В ведизме существуют категории энергетического характера, описывающие глобальные непрерывные процессы Вселенной, которые не имеют аналогов в западной философии. Процессы материального характера, в частности экономические, формируются под воздействием этих энергией (гун), которые классифицируются в три группы: благость (саттва), страсть (раджас), невежество (тамас). Частотность дискретизации экономических процессов определяется качествами (гунами) страсти и невежества (раджас и тамас), а этика бизнеса в благости лишь пытается примирить экологию и экономику деонтологически [9; 10].

В 2012 году Ю. Н. Москалев проанализировал социально-экономический

аспект самого известного индуистского источника – «Бхагавад-гиты» (БГ), где выделил архетипические качественно-деятельностные страты (БГ 4.13), сделал акцент на цикличности жизнедеятельности (БГ 4.8, 10.20, 10.34) и конъюнктурности бытия (ведический принцип «время, место, обстоятельства»); рассмотрел концепцию четырехступенчатого энтропийного жизненного цикла Вселенной (Сатья юга, Трета юга, Двапара юга, Кали юга) [11].

Созданная в разных цивилизациях история всегда контаминирована мифом, так как человек не может быть объектом и устранить субъективный фактор. История народов передаёт ценности последователей, их идеалы и надежды. Для того чтобы прочесть сакральные тексты нейтрально, нужно демифологизировать, убрать чудеса веры. Наличие в нарративах сказочных событий позволяет ранжировать систему ценностей той или иной общины, выделить общее ядро и различать социокультурные особенности конструирования. Каждый такой текст, принятый общиной, становится священным мифом и функционирует по законам самоогласованной, самодостаточной культурной Вселенной, живущей по своим законам истинности. До тех пор, пока нарратив действует как трансценденция, изменяя сознание, он сохраняет свою релевантность.

Типичные для опытных наук эмпирические способы анализа изучаемого объекта обычно не применимы в историко-правовой науке и должны

проводиться посредством уже иных познавательных процедур [6, с. 31].

Иерархическая целостность, археологическая датировка представляют собой лишь приблизительное описание сложной многоуровневой системы, где иерархия не противостоит аутопоэзису или сетевой организации, но лишь подчёркивает базовые способы решения регулирования «от теории к практике». В остальном же древнеиндийское общество также является комплементарным, как и современное, с неоднородной социокультурной реальностью множества взаимодействующих элементов: исторических, ценностных, правовых, религиозно-этнических, эстетических и др.

Значительное место в регуляции древнеиндийского социума играли эпические произведения (итихасы, пураны), которые репрезентируют ценностно-смысловой уровень и трансцендирование прагматического и гностицистического уровней. Эстетизация эпического массива объясняется реакцией на рутинизацию текстов, потерю их онтопоэтической значимости [16; 17].

Несмотря на значительный прогресс в области исторических исследований в нашей стране, Древняя Индия по-прежнему остается загадочной областью, где сохранившиеся источники оказались неадекватными и сомнительными. Это объясняет, почему многие темы древнеиндийской истории и культуры вызывают нескончаемые споры среди историков. Дилип Кумар Гангули – специалист по истории и археоло-

гии Индии – выделяет следующие дискуссионные этапы и проблемы в истории Индии: династия Маурьев, правление Палов в Бенгалии и Бихаре, Древняя Орисса, металлические деньги шамана [20].

2. Синкретизм социальных регулятивов Древней Индии, где отсутствуют четкие границы между правом, религией, философией, моралью. Н. А. Крашенинникова указывает, что представление о праве в отдельности от религиозных норм чуждо индийскому праву [5, с. 12]. С этим мнением соглашается Н. Р. Гусева, отмечающая слияние функций религиозного и культового характера, с одной стороны, и социально-правовых, идеологических и политических функций – с другой [2, с. 20]. Данная особенность связана с философско-теологической мировоззренческой концепцией «Вед», которой придавалось значение самоочевидной авторитетности. В соответствии с этой концепцией право, существующее в человеческом обществе, является продолжением вселенских законов (риты). Таким образом, древнеиндийская система социальных регулятивов представляла собой сложную структуру, объединявшую в себе философские, религиозные и моральные догмы, обряды и жертвоприношения, прикладные знания о государстве и праве.

3. Уникальная социальная организация общества. Социальная организация древнеиндийского общества имела два измерения: деление на профессиональные страты (варны) и фазы жизненного цикла (ашрамы) [15, с. 194].

Данная социальная система не была основана только на экономическом факторе [19, с. 54], что, в частности, не позволяет использовать в качестве основного формационный подход.

4. Сложность в интерпретации сохранившихся источников (написанных на санскрите). Как отмечает переводчик «Законов Ману» С. Д. Эльманович, «условия материальной и духовной жизни и общественные отношения в Древней Индии отличались большим своеобразием, поэтому и общественно-политическая терминология того времени весьма сложна и во многих случаях термины не могут быть точно переведены на русский язык. Употребление в русском переводе таких терминов, как дхарма, гуру, снатака, млечча, дасья, риши, шаstra, атман, мантра (наряду с уже вошедшими в русский язык – брахман, кшатрий и некоторыми другими), представляется нам закономерным и оправданным» [4, с. 3].

Если мы принимаем во внимание сложность передачи «Вед», то неудивительно, что они «стали недоступны нашему сознанию, за исключением лишь их словесной оболочки – языка, который тоже весьма затруднен для понимания по причине его архаичности и невнятности, и что предпринимаются попытки самого неадекватного истолкования, низводящие это великое творение... до уровня неудобочитаемой писанины, бессвязной мешанины нелепостей, порожденных бедностью воображения...» [3, с. 344].

Перечисленные особенности предмета исследования определяют его методологические проблемы. Попытка объединить все существовавшие формы государства и социоправовые нормы во все исторические периоды и для всех культур под началом единой, универсальной схемы пока не привела к успеху. Для каждой системы необходимы индивидуальный подход и набор методов, которые учитывают ее исторические социокультурные особенности. При исследовании таких противоречивых систем, как системы социально-правового регулирования древних государств, идеологизированные методы неадекватны, поскольку данный инструментарий не позволяет углубиться в ткань объекта исследования, понять его сущность.

Анализ конституирующих принципов и форм регуляции социального бытия древнеиндийской культуры позволил сформулировать следующий вывод: традиционные социальные регулятивы Древней Индии, фиксированные как письменные «Веды» и устные нарративы, функционируют не только на

таких привычных для традиционного общества уровнях, как смыслопорождающий (космогенез, опорные точки духовно-символического пространства, структура сознания, ритуалы и магия), идеологический (множественность системно упорядоченных взглядов, выражающих интересы и ценности определенных социальных групп) и формально-деонтологический (обмен, разрешение конфликтов, детерминанты поведения, описание регуляций, норм поведения для каждого уклада жизни). Малоизученной остаётся такая черта регуляции ведийского социума, как эстетическая доминанта, транслированная через эстетические нарративы (пураны, итихасы). Духовные ценности, моральные ориентации усваиваются в сознании субъекта через эстетический ценностно-смысловой дискурс. При этом социальный органицизм, описанный в текстах как космическое тело пуруша, осуществляет связь частей, их гармонию и единство витально-социального и смыслогенетического уровней через идею прекрасного неутилитарного созерцания.

Библиографические ссылки

1. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М. : Наука, 1977. 616 с.
2. Гусева Н. Р. Индуизм: История формирования. Культовая практика. М. : Наука, 1977. 327 с.
3. Гхош А. Основы индийской культуры // Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. М., 1987. 611 с.
4. Ильин Г. Ф. Предисловие // Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича, провер. и испр. Г. Ф. Ильиным. М. : Ладомир, 1992. С. 3 – 4.
5. Крашенинникова Н. А. Индусское право: история и современность. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 192 с.

6. Лядов А. О., Евсеев А. В. Методологические предпосылки исторических исследований государства и права // История государства и права. 2001. № 3. С. 31 – 37.
7. Маринчев Н. В. Некоторые особенности традиционной правовой системы Древней Индии // Вестник ВЮИ ФСИН. 2010. № 1 (14). С. 193 – 195.
8. Маринчев Н. В. О комплексном подходе к изучению права Древней Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 1. С. 3 – 6.
9. Москалев Ю. Н., Тимощук А. С. Этический фактор в социально-экономических процессах // Система экономической сферы общества : материалы 15-й междунар. Нижегород. Ярмарки идей, 40 Академ. симп. (25 – 26 апр. 2012 г.). Н. Новгород : Гладкова О. В., 2012. С. 66 – 70.
10. Москалев Ю. Н., Тимощук А. С. Традиционный фактор в социально-экономических процессах // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4 (5). С. 224 – 227.
11. Москалев Ю. Н. Философская доктрина Бхагавад-гиты как основа формирования Российской социально-экономической модели национального развития // Бхагавад-гита в истории и в современном обществе : материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием / общ. ред. Н. Н. Карпицкий. Томск : ТПУ, 2012. С. 346 – 354.
12. Нерсесянц В. С. Проблемы общей теории права и государства. М., 2006. 431 с.
13. Тимощук А. С. Международное общество сознания Кришны в постхаризматической фазе развития: гибридизация вестернизации и индуизации // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. 2 (10). С. 97 – 103.
14. Тимощук А. С. Особенности правовой системы традиционного общества (на примере классического индусского права) // Lex Russica. 2006. № 5. С. 893 – 897.
15. Тимощук А. С. Традиционная культура. Сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2007. С. 194.
16. Тимощук А. С. Эстетика ведийской культуры. Владимир : ВЮИ Минюста России, 2003. 402 с.
17. Тимощук А. С. Эпос «Махабхарата» как ретранслятор эстетических смыслов // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского : материалы Междунар. конф. Якутск : СВФУ, 2018. С. 143 – 144.
18. Venerji S. Ch. A brief history of Dharmasastra. New Delhi, 1999. 400 p.
19. Danielou A. India. A civilization of differences. Inner Traditions. Rochester, Vermont, 2005. 132 p.
20. Ganguly D. K. Ancient India: History and Archaeology. New Delhi, 1994. 194 p.
21. Joshi K. L. Sanatana dharma (an elementary text book of hindu religion and ethics). NewDelhi, 2006. 318 p.

**DHARMA AS WORLDLY RELIGION AND AESTHETIC-TRANSCENDENT
SIGNIFICATION**

India still attracts attention, perhaps, not so much for its culture and religions, but for its economic capabilities. It is one of the largest labour and sales markets, a global actor in an emergent world. However, the mass of peoples who have entered the melting pot of Indian civilization is also an interesting example of civilizational heterogeneity. The principles of sustainable development, so important for today's global world, had already been worked out in ancient India and were called «dharma» (from the root «dhri» – to hold, to carry). Dharma represents a complex way of maintaining stability in society through the regulators of religion, morality, law, arts and aesthetics. In the era of the convergence of legal systems, it is of interest to study the ideas of sustainable development as represented in the Indian socio-cultural system.

Keywords: dharma, religion, law, sustainable development, convergence of law systems.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых, г. Владимир
eiarinin@mail.ru

АНТОНОВА Алла Борисовна – кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского языка как иностранного Иркутского государственного
университета, г. Иркутск
allabb@yandex.ru

БОГРОВА Ксения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир
kmbogrova@mail.ru

БОЛЬШАКОВА Диана Анатольевна – аспирант
ассистент кафедры истории России Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир
dianka.bolshakova.1993@mail.ru

ЛЮТАЕВА Мария Сергеевна – ассистент кафедры философии
и религиоведения Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир
eiarinin@mail.ru

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович – кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
lyapanov@mail.ru

МИТРОФАНОВ Виктор Владимирович – доктор исторических наук
профессор кафедры теории и истории государства и права
Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург
victor-n1962@mail.ru

МУРАТОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
mouratova@tut.by

ОСТАНИН Вадим Владимирович – кандидат философских наук, доцент истории философии доцент кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул
vadim_bh@mail.ru

ПЕТРОВИЧЕВА Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор директор Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
helen94@mail.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
a@timos.elcom.ru